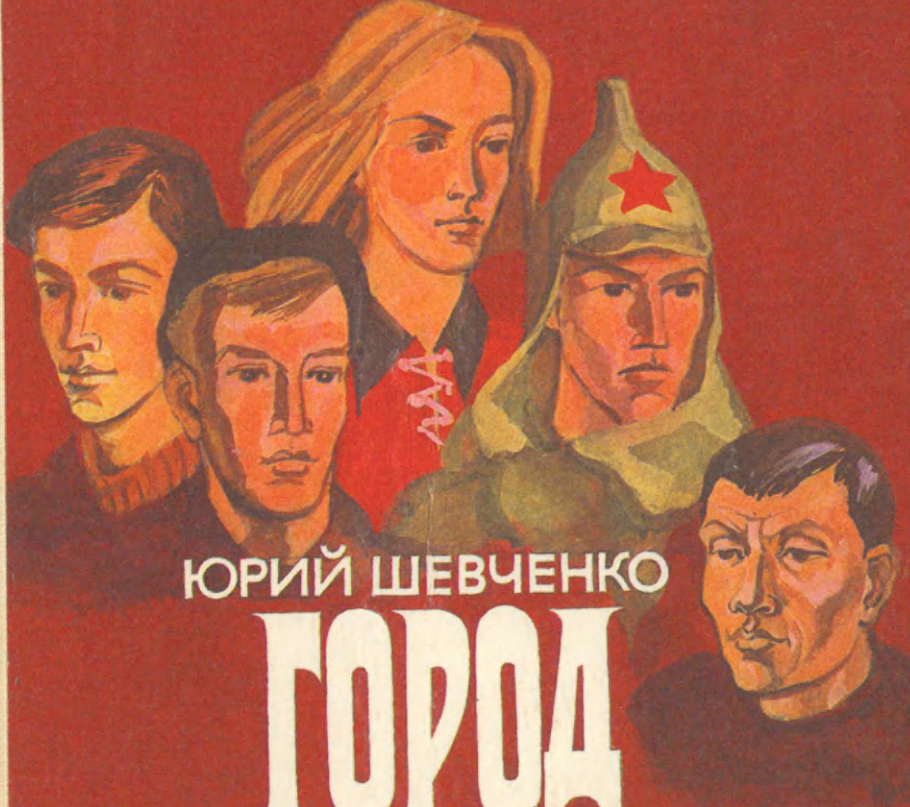

ЮРИЙ ШЕВЧЕНКО

ГОРОД ЮНОСТИ

ЮРИЙ ШЕВЧЕНКО

ГОРОД ЮНОСТИ

СТРАНИЦЫ
ЖИЗНИ
КОМСОМОЛЬСКА
-НА-
АМУРЕ

МОСКВА
«Детская литература»
1982

63.3(2)
III 37

Оформление Г. И. Метченко

III 4802010000—447
M101(03)82 332—82

© Издательство «Детская литература», 1982 г.

В городе Юности, на самом берегу великой реки, стоит глыба гранита.

«Здесь 10 мая 1932 года высадились первые комсомольцы — строители города», — выбито на ней. Пятьдесят лет, минувшие с того дня, вместили в себя многое. Страна, только-только вступившая в эпоху индустриализации и коллективизации, сумела победить голод и разруху. Построены величайшие заводы и электростанции, проложены дороги и мосты, созданы колхозы. Страна прошла через суровые испытания, в том числе — войной, но сохранила, укрепила главное свое достояние — социализм.

Пятьдесят минувших лет — взлет от нищеты и недоедания к полету Гагарина. И вехи этого неудержимого взлета — Магнитка, Днепрогэс, целина, Комсомольск-на-Амуре.

Во время своей поездки по Сибири и Дальнему Востоку Леонид Ильич Брежнев побывал в городе Юности. Вот что он сказал на встрече с рабочими города:

— Для каждого советского человека Комсомольск-на-Амуре не просто крупный промышленный, научный и культурный центр на востоке страны. Это город необычайной биографии. Многие из нас хорошо помнят поистине незабываемое время 30-х годов, когда промышленное освоение Дальнего Востока стало всенародным делом, одной из важнейших задач строительства социализма.

На берега Амура страна послала тогда своих лучших сынов и дочерей. Они ехали в этот далекий, но богатый край с комсомольскими путевками, по призванию сердца, чтобы построить крупный индустриальный центр, построить на Амуре город своего имени...

...Комсомольск сегодня,— продолжал Леонид Ильич Брежнев,— это современный город с благоустроенными жилыми домами. Он имеет все необходимое для полнокровной жизни: школы, техникумы, институты, кинотеатры, детские учреждения. Его заводы и фабрики производят сталь, океанские корабли и мостовые электрические краны, нефтепродукты, десятки наименований литейного оборудования, сборные железобетонные конструкции, товары народного потребления.

Промышленная продукция заводов... города играет важную роль в развитии производительных сил всего Дальневосточного экономического района. Теперь у города есть даже города-спутники — Амурск и Солнечный... Но самое главное богатство Комсомольска — это его люди...

Сменяют друг друга годы и десятилетия, вступают в жизнь новые поколения, но с годами не затихает, не ослабевает, но обостряется наш интерес к эпопее города Юности, великому явлению советской истории.

Ибо великому не дано устареть.

Мы пристально всматриваемся в уже далекий 1932-й год, в туманный берег холодной реки. Как это было?

10 мая 1932 года...

Первым на берег Амура пришел Афоня Бельды из нанайского стойбища Дземги. Стойбище — десяток островерхих хурб, жилищ из жердей и шкур, обмазанных глиной, — находится в нескольких километрах отсюда, от села Пермского, старинного русского поселения на берегу холодного и стремительного Амура.

От хурбы к хурбе натянуты в стойбище бечевки, плетенные из березовых волокон. На бечевках сушится весенняя рыба — карась. Дремлют в тени под сваями собаки.

Слух у Афони Бельды — тонкий, охотничий. Еще на рассвете он услышал далекий голос. Звук был протяжный и могучий. Как только донесся до Афони голос, разбудил он нескольких друзей и поспешил с ними сюда, в русское село Пермское — поглядеть.

Все население Пермского вышло к реке. Были тут старики из старообрядцев, были лесорубы, из каждого двора — а их в селе двадцать шесть — вышли хозяйки с детьми, приковылял даже старенький сторож часовни.

И вот из-за сверкающей на солнце излучины реки показалось чудо — большой двухъярусный пароход с дымной трубой и колесом на корме. Он мощно загудел, и Афоня узнал разбудивший его на рассвете голос.

Приглядевшись, Афоня от удивления и ужаса отступил назад: колесо шибко крутилось само по себе! Пароход, увеличиваясь, вырастая на глазах, поравнялся с селом, и тогда сторож часовни, человек грамотный, прочитал по слогам:

- Ко-лумб!
- Чего говоришь?
- «Ко-лумб» прописано...
- Где прописано?
- Буковки видишь на стенке-то? Под окнами?
- Точно, мужики, «Колумб». Должно, колоть дрова будут...

Весь двухъярусный пароход был густо облеплен людьми. Афоня рассмотрел — все молодые парни, мускулистые, многие, несмотря на зябкое утро, в тельняшках. Вот оно — долгожданное событие, о котором всю зиму шел слух по тайге: у села Пермского начинается строительство большого завода и нового города!

Впрочем, долгожданное не для всех. Несколько стариков из Пермского, из соседних сел хмурились: кончается спокойная жизнь, каково теперь будет? Растревожат насиженные гнезда, зверя вспугнут...

«Колумб» тем временем застопорил ход перед самым селом. Несколько парней прыгнули в ледяную воду, следом за ними полетели в реку доски.

— Ух и студеная! — закричал один из парней, окунувшийся с головой, приземистый силач лет двадцати, русоволосый и голубоглазый. — Страсть!

Он приветливо помахал рукой людям на берегу и начал вместе с другими сооружать сходни. Обернулся к ближнему человеку, Афоне:

— А ну подсоби, парень!

Афоня заулыбался, скинул кухлянку и полез в воду.

Через несколько минут по сходням уже бежали на берег люди — веселые, шумные, с чемоданчиками и фанерными ящичками. Выделялся высокий чернобородый человек в кожанке, в нем пермский народ признал начальника, который еще зимой появлялся в этих местах. Никогда маленькое приамурское село не ведало такой суматохи: крики, песни, возникающие в разных местах побережья, грохот сгружаемых ящиков.

— А что там? — спросил Афоня, кивнув на один из ящиков.

— Как что? — ответил русоволосый. — Лопаты!

Гора грузов росла на берегу. Тут были и тюки, и строительные материалы, и мешки с зерном и картошкой. На поиски временного жилья в село отправился

пожилой человек в гимнастерке — парторг Окулич. Впрочем, пожилым он казался рядом с парнями и девушками. Девчат было совсем немного, зато их красные косынки ярко выделялись в толпе.

На реке показался второй пароход — «Коминтерн», за ним баржа. Оба судна везли добровольцев. Пока они разгружались, вернулся Окулич. Доложил, что пригодного жилья найдено маловато, надо ставить палатки. В распоряжении строителей — несколько чердаков, два пустующих амбара, две избы да старая заброшенная церковь. Чернобородый — начальник строительства Каттель — тут же отдал приказ разместить девушек по возможности в жилых домах, а для парней ставить палатки.

К полудню забелела вдоль берега палаточная улица. Как только последний колышек был вбит, начался митинг. Сотни прибывших людей сгрудились на небольшом пятачке земли, вокруг трибуны — поставленного на торец ящика. Афоня протиснулся поближе и снова оказался рядом со своим знакомцем, голубоглазым силачом, который чудно произносил слова: нажимая на звук «о». «Офоня», — получалось у него.

Начальник читал:

— Приказ номер один. Сегодня из Хабаровска пароходами «Колумб», «Коминтерн», баржой «Клара Цеткин» в село Пермское на строительную площадку Амурского судостроительного завода прибыл первый эшелон рабочих. Призываю всех работников строительства соблюдать дисциплину, организованность, выполнять указания и задания своих руководителей. Я выражаю уверенность, что наш славный молодежный коллектив выполнит задание Центрального Комитета ВКП (б) и Советского правительства по созданию на Дальнем Востоке первого крупного индустриального центра страны. За плодотворную работу, дорогие товарищи!

Его последние слова были заглушены криками «Ура!». Полетели в воздух кепки, ушанки. На ящик легко вспрыгнул смуглый черноволосый парень, осетин Костя Зангиев:

— Не уйдем отсюда, пока не построим город!

И вместе со всеми хлопал в ладоши и кричал «ура» нанаец из стойбища Дземги Афоня Бельды.

На следующее утро все девятьсот прибывших комсомольцев проснулись до восхода солнца. Река была спокойна и величава. Сопки вокруг села, вековые леса на дальнем противоположном берегу, стены старых изб и грубый брезент палаток — все было покрыто изморозью.

Аким Осипович Окулич пригласил к себе в палатку расторопного хозяйственного парня Льва Качаева, отмеченного еще во время плавания.

— Первое задание, Лева. Надо обойти весь лагерь и отобрать комсомольцев, обутых в сапоги.

— Есть. Можно спросить — зачем?

— Можно. Строительство надо начинать с заготовки леса. В пятнадцати километрах отсюда, вверх по течению Силинки — так речка называется, она в Амур впадает — зимой по нашему распоряжению шел лесоповал. Заготовлено достаточно. Сегодня же нужно организовать сплав леса сюда.

— Понял.

Лева добыл блокнот и отправился в обход палаток.

Из девятисот комсомольцев только сорок два оказались в сапогах. Остальные — в лаптях и худых ботинках. Обладателей сапог собрали на берегу реки, и речь перед ними держал немногословный Окулич:

— Кто из вас вырос на реке?

Поднялось несколько рук. Шагнул вперед русоволосый силач, знакомец Афони.

— Как зовут? — спросил Окулич.

— Алексей Смородов. А это — братишка мой, Никандр. Нижегородские мы, на Волге выросли.

— Годится. Задание — организовать сплав леса из тайги. Вот только проводника найти — и в путь.

— Из местных, значит, проводника? Есть подходящий, Афо-ня!

— Еще раз предупреждаю — идут только те, у кого сапоги. Здесь тайга такая, что в другой обуви — не работник. Бригадиром назначаем тебя, Алексей.

Так была создана первая бригада. После недолгих сборов сорок два человека построились и во главе с Алексеем и Афоней отправились на поиски заготовленного строевого леса.

А на стройке уже разгорался первый рабочий день. Комсомольцы строили землянки и шалаши — потом, в воспоминаниях и книгах, их назовут «Копай-городом», — собирали сухой валежник для костров, готовились вести просеку к месту будущего завода. Место это было, что называется, гиблое: болото, кочкарник, только вдоль самого Амура полоска сухой земли. По весеннему времени кочкарник казался твердым, но под слоем дерна — смерзшаяся жижа.

А это значило, что с приходом настоящего тепла участок станет непроходимым. Следовало приступить к осушению территории — корчевать, рыть каналы.

— Неужели нельзя было найти другого места? — спросил у начальника строительства кто-то из ребят.

— Можно было, — ответил он. — Предварительно планировалось строить завод у Хабаровска, в районе села Воронежского. Но потом пришло другое решение — развернуть строительство подальше от границы. Отсюда, кроме того, ближе и лучше путь в океан для будущих судов, здесь — надежнее.

— А ведь верно.

— Резон есть!

Да, в этом был государственный расчет, хотя инженеры понимали, насколько удобнее строить новый промышленный гигант в местах обжитых, возле краевого центра, чем здесь, в таежной глухомани.

С прибывших кораблей на берег сгрузили две походные пекарни. Устный опрос показал, что среди первостроителей нет ни одного пекаря. Пермские хозяйки вызвались приготовить обед и хлеб. Но когда обед был готов, Лева Качаев предложил перенести обед на ужин: с Амура тучей налетел комар, нужно было торопиться. К вечеру надежное укрытие от комаров было готово — триста обмазанных глиной шалашей, целый городок. Тогда еще никто не знал, что эти шалаши — первый жилой фонд города Комсомольска. Название «Комсомольск» еще не было найдено.

Правда, до приезда добровольцев экспедиционная группа Дальпромстроя — так официально называлась организация, возглавившая дело, — начала строить

первый рубленый дом, бараки, но для строительства нужны были доски, лес. Нужно было сначала создавать здесь, на месте, лесозавод. Вот почему и отправилась в тайгу первая ударная бригада Алексея Смородова.

Вечером у шалашей и землянок появились укрепленные на жердях щиты: «Комсомольский штаб стройки», «Коммуна имени газеты «Тихоокеанская звезда», «Рабковский пост», «Медпункт».

Хозяином медпункта стал смуглый паренек из Болгарии Коста Стоянов. Его историю уже знали многие. Сын учителя-коммуниста, Коста в девятнадцать лет вступил в молодежную коммунистическую организацию Болгарии, участвовал в народном восстании 1923-го года. После подавления восстания бежал сначала в Германию, оттуда в Советский Союз. В Москве закончил медицинский институт, был оставлен для научной работы на кафедре хирургии. Но как только узнал о дальневосточной стройке — написал заявление с просьбой включить в число добровольцев.

Хозяйство Стоянова вскоре перебазировалось в бывший амбар. Поставили здесь две койки, выскоблили полы, сколотили шкафчик для медикаментов.

Через несколько дней только что сформированные бригады под руководством Кости Зангиева, Льва Качаева, Ивана Сидоренко и других комсомольцев-активистов двинулись в тайгу у села Пермское. Предстояло проложить просеку к площадке будущего строительства и там начать корчевку. Топоров и пил было мало, лопат — одна на двоих.

Солнечная сначала погода сменилась ненастьем. Холодные ливни и ураганные ветры, обычные для этих краев, обрушились на Пермское, повалили большой плакат, укрепленный на пригорке: «Сдадим лесозавод к 15 июля!» Вниз по Амуру пошли с верховьев поздние, застрявшие где-то льды. Стало холодно и неудобно. Комсомольцы-рубщики работали по щиколотку в воде, уставали, выматывались, у Косты Стоянова в медпункте не гас огонь под котлом, в котором кипятились зеленые сосновые ветки — хвойный отвар: обнаружился случай цинги.

А к Хабаровску уже торопились новые поезда с

добровольцами, еще пять тысяч юношей и девушек по призыву комсомола ехали на стройку!

Особенно трудно пришлось корчевщикам. Срубить дерево несложно. Но как выворотить его с корнями, без всяких машин, практически голыми руками? Ливни сменяются жарой, тучами висит над землей мошка, хлупает болотная жижа, кружится голова от недоедания — рацион тогда был скуден, а проклятые, намертво вцепившиеся в почву корни не хотят поддаваться. Вечерами возвращались корчевщики в село со вспухшими руками и лицами, изъеденными мошкой, полуживые от усталости. Но не гасла уверенность.

22 мая небо снова нахмурилось, резко похолодало и пошел снег. Лев Качаев, которого отозвали с корчевки и назначили заведующим отделом кадров, получил приказ: объявить день нерабочим, раздать по одному одеялу на двоих и по паре... футбольных бутсов тем, кто остался совсем без обуви. Коллектив отказался отдыхать, но бутсам люди обрадовались.

Начал складываться комсомольский актив. Прибыл секретарь оргкомитета стройки Сергей Поликарпов, регулярно стали проводиться собрания и заседания, правда — пока под открытым небом. Вышли первые номера своей газеты. Коллектив рос, один за другим прибывали из Хабаровска пароходы с людьми и строительными материалами, оборудованием для будущего судозавода. Его решили заложить уже в следующем 1933 году.

Сегодня открывается первая конференция трехтысячного отряда юных ленинцев Дальпромстроя.

Воля к победе плюс комсомольский энтузиазм обеспечивали ход строительства. Не один десяток бригад, не одна сотня ударников по-большевистски штурмовали тайгу.

Первая комсомольская конференция должна подвести итоги недолгой, но напряженной работы юных ленинцев на Дальпромстрое.

Газета «Амурский ударник», № 3,
село Пермское-на-Амуре.

Бригада молодого коммуниста Григория Андрианова применила на корчевке новый метод. Для скорости (и ввиду недостатка топоров) повал деревьев повели с помощью веревок. Набросив веревочный аркан на вершину дерева, все вместе пригибали его к земле до тех пор, пока дерево не выворачивалось с корнями. Потом его распиливали. За рационализацию бригада премирована двадцатью талонами в столовую ударников.

В начале июня, наконец, регулярно начали поступать по таежной речке Силинке строевые бревна для лесозавода, отправленные бригадой Алексея Смородова.

Окулич уже хотел было посылать людей в верховья Силинки: волынит что-то бригада нижегородского плотника...

Места, куда отправилась бригада Смородова, были глухие и необжитые. Афанасий Бельды называл их по-своему — «халдоми», что в переводе с нанайского означает «сумка сокровищ».

— Где же тут твоя халдоми? — не понимал Алексей.

— Всё — халдоми, — пояснял Афоня, обводя взглядом большую долину, окруженную высокими снежными горами Мяо-Чан.

Поросла долина хвойным лесом, пихтами и соснами, петляет по ней стремительная горная речка, нанайское имя которой мало отличается от русского — Силинга. Растут вдоль речки оранжевые лилии-саранки, колышется папоротник.

Шли сюда комсомольцы долго, весь день. Не привыкли они к таким переходам, к лесу такому: топь да валежник, бурелом, деревья густо обмотаны лимонником — вьющимся растением, напоминающим лиану. Оторвал Афоня от ветки лимонника корочку, растер в ладонях, сунул в рот.

— Что это ты? — спросил Никандр. — Никак дерево ешь?

— Ага, — кивает Бельды. — Лимонник, однако.

Никандр тоже попробовал кору растения и удивился: ощутил острый вкус лимона.

— Жуй, жуй, — закивал головой нанаец. — Цинга не будет.

Идет Афоня по тайге осторожно, отклоняет ветки, обходит стороной безобидные лужицы. Отряд за ним. Один из парней — Петр — даже рассмеялся:

— Ножки боишься замочить?

И смело шагнул в одну из лужиц, в болотную коричневую воду, благо сапоги кирзовые, надежные. Перешел лужицу вброд, глянул на сапоги, а они изрезаны, словно бритвой.

— Батюшки,— сказал Петр и сел на землю.— Это чего же делается?

Афоня укоризненно покачал головой, опустилс я лужицы на колени и осторожно извлек со дна растение с острыми тонкими листьями. Провел ребром листа по дереву — остался глубокий надрез.

Груды огромных бревен лежали на самом берегу Силинки. За зиму они потемнели на спилах, были густо припорошены палой хвоей, но Алексей наметанным глазом плотника сразу определил: добротный лес, настоящий, как раз то, что нужно для строительства изб. И в распилку годится, хорошие доски будут. Лежали бревна на том берегу реки. Моста же не было.

Никандр с Афоней прошли вдоль течения не меньше километра, разыскивая удобное место для наведения моста. Силинка петляла по долине, пенилась над донными валунами, несла коряги. На глазах намывались и исчезали на изгибах реки песчаные островки. Самое узкое место — метров двадцать — нашли недалеко от временного лагеря, у ельника.

Алексей приказал рубить березки и связывать их в плети. Мост получился узкий, провисший посередине, но прочный. Когда укрепляли его, двоим ребятам пришлось выкупаться в ледяной воде. На противоположном берегу, у груды заготовленных бревен, сразу же разожгли костер, чтобы обогреться. Да и темнеть начало в тайге.

Комары, которые досаждали добровольцам на берегу Амура, здесь, в лесу, оказались еще злее. Они вились над костром, над котлом, в котором варилась похлебка, сыпались в нее. Ребята шлепали себя по лицам, по рукам. Каждый шлепок оставлял красный след от раздавленного комарья.

— Эдаж не заснешь!

— Что за напасть такая!

Коля Мохолев достал из рюкзака бидон с керосином, натер лицо, шею. Но запах керосина не отогнал комаров. Бригада сгрудилась у костра, парни закутались в одеяла — их было несколько штук, в большой лоскут брезента, захваченный с собой, глубоко надвинули кепки и выгоревшие буденовки.

— Завтра пойду в стойбище, — сказал Афоня. — Накомарники нужны.

— Где ты сорок два накомарника возьмешь?

— Сделаю, однако.

Утром бригадир отрядил пятерых сооружать шалаш для жилья, во главе остальных отправился осматривать заготовленный лес. Лиственницы в два обхвата, вековые сосны были срублены на большом участке долины, однако только прибрежные стволы можно было столкнуть в Силинку. Остальные нужно было еще доставить в удобное для сплава место — по бездорожью, минуя завалы и мелколесье.

— Хоть бы одну лошаденку, — вздыхал Смородов.

— Не хнычь, бригадир, — весело отвечал Коля Мохолев и хлопал себя по плечу, — у меня тут пяток лошадиных сил.

Первые бревна покатили в воду «всем миром», поддевая их ломami и лопатами. Река тут же подхватила могучие стволы и понесла вниз, швыряя и крутя, как легкие щепки. «Есть почин!» — заметил Никандр, очень похожий на брата, такой же спокойный и неторопливый. Вернулись за новой порцией бревен. Бригадир уже прикидывал, как лучше организовать транспортировку. Нужно, пожалуй, поставить ребят цепочкой, группами человек по шесть на всем пути движения бревна к воде. Первая группа будет катить его на своем участке, затем подхватит вторая группа, третья. Он хотел уже дать команду перестроиться, как раздался крик Гриши Пойды:

— Змеи!

Гриша шел первым. На том месте, где несколько минут назад лежали лиственницы, только что уплывшие вниз, к Амуру, в мокрой ложбине извивались две крупные гадюки. Гриша едва не наступил на них.

— Спокойно, ребята, — сказал Алексей. — Не подходи пока.

Он опередил остальных, вскинул лопату и двумя точными ударами убил змей. Настроение бригады сразу упало. Все начали с опаской смотреть себе под ноги. Вот, значит, какие места! И вправду без сапог здесь не жизнь.

— А что ночью будем делать, бригадир?

— Установим дежурство, раз такое дело.

— Глядите, еще одна ползет!

Под бревнами кишели змеи!

Сражались с ними весь день, пустили в ход все имеющиеся лопаты. Пришел Афоня Бельды с накомарниками и мешком вяленой рыбы. Ребята обрадовались нанайцу, к нему уже успели привыкнуть и доверяли, как близкому человеку. Афоня тоже взялся за змей. Двумя оструганными ветками, зажатыми в одной руке, он ловко хватал гадюку за голову и швырял в стремительную Силинку. Прочесали все окрестности вблизи шалаша.

Ночь была беспокойной, бессонной.

Утром под дождем снова приступили к сплаву. Горная речка помутнела, стала полноводной, бурливой, приближался паводок.

А в Пермском в это время полным ходом шло наступление на тайгу и болота, расчистка территории под будущие заводы и городские улицы. На первой просеке, которая тянулась от берега Амура к Силинскому озеру, к дереву прибили табличку: «Перспект имени Ленина». Построена столовая на несколько сот человек, начато рытье четырнадцати колодцев. Большая группа новых первостроителей на пароходе прибыла в район стойбища Дземги, здесь было решено создать еще один завод. Мать Афони Бельды отдала новоселам свой амбар, стоящий на высоких сваях.

Из протокола I конференции ВЛКСМ Дальпром-строа от 6 июля 1932 года:

Рабочая сила на стройке в преобладающей массе — комсомольцы (90 процентов). По призыву ЦК ВЛКСМ они первыми приехали на площадку

и своими героическими усилиями в борьбе с тысячелетними таежными лесами и болотами заставляют тайгу отступать...

Конференция постановляет:

Просить Дальневосточный крайком ВКП(б), крайисполком, крайком ВЛКСМ и ЦК ВЛКСМ войти в ходатайство перед ЦИК СССР о переименовании села Пермского в город Комсомольск.

Комитет комсомола стройки сформировал еще одну ударную бригаду на строительство узкоколейки от площадки судостроя к Силинскому озеру — для доставки сплавных бревен. Сюда, в озеро, поступал лес с участка Алексея Смородова. Но медленно поступал, медленно.

Трудно приходилось этой бригаде. Ребята не были готовы вести жизнь таежников, не знали дальневосточного леса и его нрава. Через две недели после высадки в верховьях Силинки река взбушевалась, снесла березовый мост, подмыла берег у лагеря бригады, и в воду рухнул целый пригорок, стоявший утесом над Силинкой. А на пригорке был шалаш и, конечно, все запасы муки и консервов. Сплавщики остались без продовольствия.

Идти в Пермское за новой партией продуктов? Но там с едой худо, каждая буханка хлеба на учете. Нет, лучше голодать, чем так опозориться: бригада приняла решение добывать пропитание на месте. Колю Мохолева отправили на охоту с единственной, принадлежавшей бригадиру, берданкой. Афоня Бельды достал из котомки бечевку и взялся ловить рыбу. Крючков у него оказалось мало, всего три, да и необычные крючки — из красной меди.

— Дай-ка погляжу, — попросил Алексей, — в жизни таких крючков не видывал!

Целый день сидел Афоня со снастью на берегу, трех щук добыл. Разве накормишь тремя щуками сорок с лишним человек? Уха получилась жидкая, но хлебали ее ребята с удовольствием, похваливали Бельды. Что и говорить, парень хоть куда! Незаменимый человек.

Взяли его проводником на время, но оказалось, что без него бригада — не бригада. И работает наравне со всеми, и много других дел успевает сделать. Да и тайгу знает как свой дом, учит ребят в травах разбираться, в деревьях, никогда не унывает. Вечерами после тяжелого трудового дня, когда Алексей и его ближайшие помощники — Никандр, Пойда, Мохолев — обходят костры, подбадривая уставших сплавщиков, Афоня затягивает песню, длинную, мелодичную, бесконечную.

— Про что песня, Афоня? — спрашивает Никандр, гармонист, пытаясь безуспешно подыграть нанайцу на двухрядке.

Смеется Афоня, качает головой. Не может объяснить. Он столько русских слов и не знает. Про то песня, что живет Афоня на берегу Силинки в компании новых друзей, таскает с ними бревна, рубит сучья, разводит костер, прислушивается, не бродит ли возле лагеря голодный медведь, не крадется ли поблизости свирепая рысь. Про то песня, что по душе Афоне новая жизнь.

Попробовал Бельды однажды сам сыграть свою песню на гармошке. Никандр показал, как прижимать лады, растягивать мехи. Получилось. Сначала робко, потом все увереннее запела нижегородская гармошка о том, что боится свирепая рысь огня, что мясо сохатого — вкусное мясо, вот только удалось бы подстрелить зверя; что плохой улов сегодня — всего три щуки, а четвертая рыба утащила снасть, утащила последние крючки из красного камня...

После скудного ужина начал собираться нанаец в дорогу. Но пошел он не в сторону родного стойбища, отправился в обратном направлении — в глубь халдоми.

Коля Мохолев вернулся с охоты без трофеев, бледный, испуганный.

— Беда, — сказал он Смородову. — Слышишь? — И указал рукой вниз по течению реки.

Все разом прислушались. Из глубины тайги неся гул.

Бегом, не разбирая дороги, сквозь кустарник и бурелом помчалась бригада по берегу Силинки. Гул нарастал. Ветки хлестали по лицам ребят. Километра через два река стала шире, разлилась, затопив прибрежные деревья. Сплавщики шагали уже по щиколотку в воде. Подошли к невысокой сопке, возле которой гул превратился в настоящий грохот. С ее вершины все увидели: бревна запрудили реку!

Одного взгляда Смородову было достаточно, чтобы определить — почти весь лес, отправленный бригадой за минувшие две недели, застрял здесь, не дошел до места назначения. В Пермском на строительстве его так и не дождались.

Алексей недаром вырос на Волге. Такие заломы ему случалось видеть и у себя дома. Подхваченные мощным течением, бревна неслись к этому месту, где река делала крутой поворот. Одно из бревен — так всегда случается при заламах — уперлось в дно реки, на него наскочило второе, третье... Давление еще прочнее укрепило затор, и теперь все приплывающие с верховьев стволы громоздились друг на друга, ломались, трещали, перекрывали реке дорогу.

Все две недели работы — насмарку!

— Что будем делать, бригадир?..

«Выходит, никакого сплава не было. И никакие мы не сплавщики, не ударная бригада, а головотяпы! Стоп, Алексей, но кто мог предположить, что случится залом? Ты должен был предположить,— сказал себе Смородов.— Тебе и расхлебывать эту кашу. Две недели строительство ждет лес! Уж не за дезертиров ли нас там считают? Вполне возможно...»

— Что будем делать, бригадир?

Вода пенилась в заломе, запруда трещала, сдерживая течение, внезапно громко хрустнула одна из темных лиственниц и переломилась надвое.

На Волге в старые времена даже профессия такая была — заломщик. Специалист по ликвидации заторов. Мальчишкой Алексей видел в работе заломщика. Громадный рыжебородый мужик забрался в глубь мешанины бревен и орудовал там, постукивал поленом по стволам. По звуку определял сердцевину залама, то самое бревно, которое держит на себе остальные. Залом

зловеще шевелился, грозя в любую секунду поглотить, раздавить смельчака. Женщины на берегу вскрикивали. Хозяин леса, в поддевке и белом картузе, зычно подбадривал:

— Давай, Тимоха, с нами бог! Десяток целковых добавлю!

Тимоха балансировал на мокрых бревнах и вдруг перекрестился и нырнул в просвет между ними. Несколько мгновений берег безмолвствовал, и вдруг завал разом стронулся с места; прыгая с торца на торец, понеслись бревна по течению, а заломщик вынырнул далеко в стороне. Алешка видел, как затем Тимоха степенно принял деньги и пригласил зевак в трактир «по случаю благополучия»...

— Никандр, — сказал Алексей, — оставайся в случае чего за меня. Отведи людей подальше.

Смородов засунул за пояс топор, скинул сапоги и пошел по бревнам. Они скользили под ногами, сталкивались. Алексей перепрыгнул с первого ствола на второй, затем на третий. Вскоре он уже стоял на середине реки, в центре залама.

Здесь бригадир достал топор и принялся постукивать обухом по бревнам. Звучали они все одинаково — глухо.

Какая же силища в этой Силинке! Вековые стволы громоздились в самых немыслимых положениях, торчали стоймя, несколько бревен выбросило на крутой противоположный берег, в бурунах кружилась щепа и желтая сосновая кора. Алексей все стучал обухом по бревнам, и вдруг один из ударов отозвался высоким, пружинистым звуком. Это откликнулась едва заметная в мешанине сосна, точнее — ее торец, подымавшийся над водой всего на несколько сантиметров.

Бригадир воткнул топор в первый попавшийся ствол и принялся ощупывать сосну. Для этого пришлось лечь на бревна и опустить руки в воду. Сосна была сучковата, напоминала рогатину. Алексей прижался ухом к дереву. Ствол под напором воды и бревен тихо звенел как струна.

Он снова взял топор, набрал побольше воздуха и прыгнул в воду возле сосны. В ледяной воде открыл глаза, добрался до дна и принялся колотить по дереву топором.

Весь затор, вся груда бревен рухнула на него. С берега, где стояла бригада, это было похоже на взрыв. Несколько стволов подскочили высоко в воздух, словно подброшенные богатырской рукой. Накопившаяся сила реки прорвалась. Под ее напором залом исчезал на глазах. Сплавщики бросились в воду, торопясь к тому месту, где только что стоял Смородов.

Нашли его метрах в тридцати ниже по течению. Алексея выбросило на берег, был он без сознания, весь в кровоподтеках. Никандр разорвал мокрую рубаху на груди брата, ощупал грудь.

— Жив! Дышит!

Пришел в себя Смородов несколько дней спустя, на койке в медпункте Косты Стоянова. Соседняя койка тоже была занята. Приподнявшись на локте, Смородов посмотрел на соседа. Рядом лежал Афоня Бельды. Бредил.

— Что с ним? — спросил Алексей. — Как он сюда попал?

— Помолчи, — сказала медсестра Миля Ленцова. — Тебе нельзя разговаривать!

— Что с Афоней, спрашиваю!

— Его Афоня зовут? Скажу, скажу, только не разговаривай. Принесли его сегодня геологи из тайги. Кто-то стрелял в парня. Будем делать операцию...

Лесозавод пустили в срок.

Газета «Амурский ударник», 16 июля:

Первый вклад в индустриализацию края

Сегодня в дикой амурской тайге раздастся первый заводской гудок.

Пуск лесозавода является нашей первой серьезной производственной победой, трамплином к выполнению и перевыполнению всей июльской программы.

Две циркулярные пилы лесозавода начали работать под открытым небом. Доски, полученные при распилке первых смородовских бревен, пошли на обшивку самого завода и сооружение кровли над ним.

Так начинался первый год Комсомольска-на-Амуре.

И каждый его месяц был трудным, непохожим на предыдущий, но по-своему радостным.

В июле, в канун пуска лесозавода, комитет комсомола стройки, отмечая успехи добровольцев на корчевке пней, решил хорошенько проучить тех, кто отлынивает от тяжелой работы, — были на стройке и такие. И вот в столовой, пристроенной к бывшей часовне Пермского, состоялась... конференция прогульщиков, встреча их с ударниками. На конференции внесено предложение: платить деньги прогульщикам через специальную «черную» кассу, а продукты выдавать в последнюю очередь. Подействовало...

В сентябре началось наводнение. Все комсомольцы стройки были мобилизованы на спасение ценных грузов — цемента, арматурного железа, станков, леса: за неимением пока складов грузы лежали на берегу Амура. Река разлилась до горизонта и долго не хотела возвращаться в привычные берега.

Зато после паводка комсомольчане столкнулись с явлением, которого они никогда в жизни не видели, да и не могли увидеть: рунным ходом дальневосточной кеты и лосося. Удивительная рыба, каждую осень приплывающая в верховья больших и малых рек края на нерест, шла по Амуру сплошным потоком против течения, вся река серебрилась от рыбьих спин. Комитет комсомола организовал добровольческие бригады рыбаков, плотников «бросил» на производство бочек. Бригада Смородова изготовила их больше ста штук. Улов рыбы составил многие сотни тонн. По рецепту рыбаков стойбищ Дземги и Бельго рыбу засолили на зиму.

Октябрь. В поселке Пивань, что на противоположном берегу Амура, полным ходом идет разработка каменного карьера — добывается строительный материал для будущего завода. Орудия добычи — лом и кувалда. Однажды утром над Амуром раздался мощный взрыв. Заложенный в карьер аммонал взметнул в небо горы щебня и камня. Добыча строительного материала с помощью взрывов намного ускорила дело.

Первая зима на Амуре сопровождалась сильными

морозами. Не всегда хватало дров. А тут еще цинга — все больше и больше строителей заболело ею. Как помочь? Почти нет мяса, овощей, а главное — чеснока. На завтрак, обед, ужин — кета. Пробовали искать под снегом черемшу, почти не нашли. Необходимо мясо.

Тогда комсомольцы-физкультурники встали на лыжи и отправились в рейд по стойбищам нижнего Амура. Нанайцы, удегейцы и представители других малых народностей края откликнулись на просьбу помочь заболевшим цингой. В Комсомольск начали прибывать собачьи упряжки, охотники привозили оленину.

К весне строители нового города в тайге уже имели узкоколейку, четыре паровоза-«кукушки», восемьдесят вагонеток, из Хабаровска прибыло десять автомашин, сотни две различных двигателей и три трактора. Проложено около двадцати километров грунтовых дорог, раскорчевано двести пятьдесят гектаров тайги. Осушено тринадцать болот.

И это — не весь итог работы добровольцев за год. Создан хоть и временный, но неплохой жилой фонд, работает лесозавод, электростанция, ремонтно-механические мастерские, лесопункт, карьер, начато строительство кирпичного завода. Наступило время закладки первенца промышленности будущего города, крупнейшего на востоке страны предприятия — судостроительного завода, наступила пора сооружения кирпичных домов. Весной стал известен окончательный срок закладки завода — 12 июня 1933 года.

В апреле состоялся на стройке слет ударников. На слете было решено объявить соревнование среди бригад за право закладки первого камня в фундамент будущего завода.

И вот наступил этот день — 12 июня. Еще накануне в Комсомольск стали съезжаться гости: представители заводов и фабрик Дальнего Востока, партийные работники из Хабаровска. На рейде у города бросили якорь военные корабли Краснознаменной Амурской флотилии. От первого корабля отошел белый катер и устремился к берегу. В катере сидел дорогой гость — прославленный военачальник и герой гражданской войны, коман-

дующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией Василий Константинович Блюхер.

В легком светлом кителе, невысокий, стремительный, Блюхер прыгнул на берег и отправился в обход стройки.

Он был здесь, в Пермском, год назад. И с особым удовольствием оглядывал изменившийся пейзаж. На громадной вырубке вытянулись коробка опалубок, сбитых из свежих досок. Тут и там поднялись стальные каркасы будущих бетонных стен. Вспыхивают огни электросварки. Спешит тяжело груженный состав ваго-неток, дым паровоза столбом уходит в синее небо.

Рядом с рекой сооружена трибуна. Вокруг нее — тысячи людей, ровным строем застыли краснофлотцы, играет духовой оркестр, шагает колонна физкультур-ников стройки. И вот на флагштоке появляется алое полотнище флага. Блюхер подходит к перилам три-буны.

— Сегодня большой праздник не только для вас, молодых строителей, смело взявшихся выполнить по-четное задание партии и комсомола, правительства нашего, но и для всех трудящихся Дальнего Востока! За год сделано много, очень много. В глухом и далеком уголке земли советской загорелась лампочка Ильича. Это большая победа, товарищи!

Никогда не думал Алексей Смородов, что выпадет ему в жизни такое счастье — стоять на трибуне рядом с легендарным Блюхером. И не только стоять — дер-жать речь после него. Ибо бригада Алексея вышла победителем соревнования ударных коллективов и доби-лась права подписать акт о закладке завода и положить первый камень в его фундамент.

Трудно далась Алексею его речь. Ребята потом рас-сказывали: краснел и бледнел он, слова произносил невнятно, только последнюю фразу: «Доверие народа оправдаем. Завод построим, построим город!» — вы-говорил во весь голос.

Затем слово взял начальник строительства. В руках его акт о закладке завода. Тут же на трибуне акт подпи-сали: В. К. Блюхер, секретарь крайкома партии, началь-ник строительства и он, нижегородский плотник Алек-сей Смородов.

Текст свернули в трубку, вставили в герметический

цилиндр. Сейчас он будет навсегда замурован в фундаменте будущего завода, но никто из присутствующих никогда не забудет слов этого документа:

В осуществление заветов великого вождя и учителя пролетарской революции В. И. Ленина об обеспечении экономической независимости страны строящегося социализма от капиталистического мира — правительством рабочих и крестьян решено — 23 февраля 1932 года — построить на территории Дальневосточного края, в городе Комсомольске-на-Амуре, Амурский судостроительный завод.

...Строящийся Амурский судостроительный завод является важнейшей крепостью социалистической индустриализации Дальнего Востока и крупнейшим фактором усиления пролетарской диктатуры...

Во исполнение решения правительства и ЦК партии 12 июня 1933 года, первого года второй пятилетки, в присутствии рабочих и ИТР — строителей завода, рабочих делегаций Дальзавода, Дальсельмаша, Осиповского затона, стройки в Дземгах, колхозников-нанайцев Комсомольского района, общественных организаций Дальневосточного края и строительства — заложен первый камень будущего гиганта...

Солнце сияло над Амуром, над зелеными сопками вокруг будущего города, над тысячами молодых, усталых, счастливых лиц.

Солнце сияло над неоглядной сибирской тайгой, над ее глухими дорогами, искрилось в рельсах транссибирской магистрали, по которой шли и шли поезда на восток...

ОГОНЬ НА СЧЕТУ

1934

Шли и шли поезда на восток, к далекому, манящему городу с гордым именем — Комсомольск-на-Амуре. Города еще не было, был громадный пустырь на берегу Амура да несколько строительных площадок. И далеко не все добровольцы, прибывающие сюда, понимали, что сам этот пустырь — громадная победа, что «улица», мостовая которой представляет собой вкривь и вкось втоптанные в грязь доски, далась людям с гораздо большим трудом, чем иные белокаменные проспекты.

В начале 1934-го, в разгар зимы, остро стала ощущаться нехватка рабочей силы, строительство судозавода требовало квалифицированных арматурщиков, каменщиков, монтажников, просто нового притока физически закаленных, дисциплинированных ребят. Из Москвы в партком стройки пришло сообщение — срочно готовить жилье для направляемых красноармейцев военно-строительных частей.

Эта зима навсегда останется в памяти жителей Комсомольска, да и всех советских людей, небывалым «ледовым переходом».

Перед самым Новым годом в Хабаровске были уже сосредоточены большие силы красноармейцев-строителей. Почти все — молодые парни, по первому году призыва. Эшелоны привезли их из Костромы, Воронежа, Тулы и других городов. Первой в Комсомольск должна была отправиться военно-строительная бригада. Но как отправиться?

Дороги в строящийся город не было. Единственная транспортная артерия — Амур — была скована льдом.

Принято решение — красноармейцы совершат марш-бросок по льду Амура.

В краевом центре бойцы были отлично экипированы — одеты в полушубки, валенки, теплые шлемы.

Комбат Чезлов за несколько дней до перехода начал учить своих красноармейцев, проводить тренировки. Проверял он каждую мелочь — правильно ли намотаны портянки, ладно ли сидит вещмешок — ведь в нем двадцать пять килограммов весу, четырехдневный запас продовольствия, натрешь плечо — и ты уже не ходок. Демобилизованный Николай Шаров, из сибиряков, тоже торопившийся в Комсомольск, предложил запастись салом — на случай обморожения. Комбат похвалил Николая за идею. Сала достали. Утром, в канун Нового года, провели короткий митинг. «Ни одного отстающего, ни одного обмороженного!» — таков девиз. Бойцы тронулись в путь.

Первый переход по льду реки был самый трудный, хотя и самый короткий, всего двадцать километров от Хабаровска до Черной речки. С непривычки — шли по торосистому льду, приметенному снегом, без тропок — красноармейцы очень устали. Дул навстречу свирепый ветер, мороз держался сильный, градусов тридцать. Потом ударил снегопад. К вечеру отряд сбился с дороги, сёл по пути не было, берега Амура терялись во мгле, ни одного огонька, ни одной отметины, по которой можно было бы ориентироваться.

В деревне Черная речка батальон принял решение расставлять по дороге вешки — чтобы отрядам, идущим следом, было легче находить дорогу.

На второй день предстояло пройти тридцать три километра. Комбат отметил про себя, что никто из бойцов не купил в походном ларьке ни пряников, ни конфет. Вещмешки и так были тяжелы, все поняли, что даже лишние сто граммов веса дадут себя знать в пути. Стартовали ранним утром. Комсорг накануне собрал самых сильных ребят, в их числе был пошедший с красноармейцами Шаров, и дал поручение: в пути осматривать бойцов, чуть побелели лица — натирать салом. Помогать ослабевшим.

Эти тридцать три километра одолели, действуя почти по законам военного времени: впереди батальона шли

разведчики. Через каждый час устраивали короткий привал. Многие новички, только-только призванные в армию, валились с ног. Николай Шаров нес, кроме двух вещмешков, винтовку рядового Смирнова (у парня поднялась температура).

А на каждом привале Чезлов доставал гармошку, командир роты Толстопяттов пускался впрыска, веселя, ободряя ребят.

Чем дальше от Хабаровска, тем безлюднее, глуше места вокруг Амура. И холоднее. Сначала попадались батальону рыбаки-нанайцы, которые тащили из прорубей снасти, добывали диковинную рыбу калугу. На одном из привалов красноармейцы вблизи разглядели это чудо природы: по внешнему виду напоминает осетра, только больше раза в два-три, панцирь на спине — железной крепости. Рыбаки приготовили из калуги местное лакомство — талу. Строганину, густо сдобренную перцем и солью.

Видели бойцы и охотников, перебежавших на коротких лыжах с сопки на сопку. Но вскоре пошли места совсем безлюдные. И грустно стало на сердце у ребят, особенно в вечерние часы, когда впереди — ни огонька.

Ночевали на третий или четвертый день в палатках у крутого откоса. После ужина Чезлов пригласил к себе Николая Шарова и двух красноармейцев, которым предстояло завтра быть в разведке. При скудном свете копилки развернул Чезлов карту, показал разведчикам.

— Завтра трудный будет денек. Отсюда, от Малмыжа, до ближайшего поселка Вознесенска более пятидесяти километров. Должны пройти за день.

— Не пройдем, товарищ комбат, — тихо сказал Шаров. — Сегодня тридцать три отмахали на самом пределе.

— К тому же метеосводка обещала пургу, — как бы не слушая Николая, продолжал Чезлов. — Но не пройти мы не имеем права. Если заночуем не доходя поселка — заметет. И, кроме того, выбиваемся из графика похода. А в Комсомольске нас ждут.

— Что же делать?

— Вот что я придумал, — сказал комбат и развязал свой вещмешок. — Здесь у меня три свежих карманных фонаря, батарейки я проверил. По моей команде, дам

зеленую ракету, будете изредка мигать фонариками издали...

— Зачем?

— Потом поймете... Задание ясно?

Метеосводка не ошиблась. Утром началась пурга. Шли по реке у самого берега, в виду прибрежной тайги — сосен, кедров, елей. Налетевший ветер поднял порошу, завыл, стало темно, как в сумерки, повалил косой снегопад. Красноармейцы двигались цепочкой, по веревке, чтобы не потеряться. Следы сразу же замела пурга.

Чезлов, хоть и был постарше остальных, метался вдоль всей колонны, подбадривал ребят. Тому лицо разотрет, того под руку поддержит на скользком торосе. Когда снег стал глубже, сам стал в голову колонны, прокладывая дорогу.

— Далеко еще, командир? — спрашивали бойцы на привалах.

— Думаю, мы уже на подходе, — отвечал Чезлов.

Очень рано стемнело. Попался по дороге какой-то крестьянин на дровнях. Остановили его: Вознесенск скоро? Глянул крестьянин на заиндеветых парней, подумал и сказал:

— Километра три.

Было до Вознесенска еще восемнадцать километров.

Через час несколько бойцов упали на снег. Их подняли, понесли. Потом пятеро замыкающих начали отставать. Чезлов отправил за отстающими сержанта и, когда вся колонна снова двинулась навстречу пурге, вытащил ракетницу.

Николай Шаров с двумя разведчиками двигался в это время в кромешной темноте в полтора километрах впереди. Увидев зеленую ракету, разведчики достали карманные фонари и начали ими посвечивать.

— Вон он Вознесенск! — крикнул Чезлов красноармейцам. — Видите огоньки? Подтянуться, ребята!

Огоньки манили, звали вперед.

Но не приближались.

Однако, увидев их, вконец измученный отряд нашел в себе силы двигаться...

К полуночи добрались до Вознесенска. В эту ночь не было ни песен, ни гармошки. В крестьянских хатах

бойцы спали вповалку, не раздеваясь. Через сутки снова двинулись по льду. В Комсомольск первый батальон — комбата Чезлова — прибыл двенадцатого января. Не было ни одного отставшего. Еще через несколько дней, после отдыха, красноармейцы влились в отряд строителей электростанции. Николай Шаров стал бригадиром плотников.

В январе подвиг первых участников ледового перехода повторили еще три батальона, проделав по Амуру четыреста километров, отделяющие Комсомольск от Хабаровска.

Николай Шаров, сибиряк, быстро стал известным человеком на стройке. Трудился он и на сооружении электростанции, и на строительстве бараков, на сооружении первого кирпичного жилого дома, на лесоповале в Пивани — поселке на противоположном берегу Амура. Сюда, в Пивань, Николай попал по комсомольскому призыву. Стройка стала ощущать острую нехватку строевого леса. Все запасы с Силинки ушли в дело. Вокруг Комсомольска было много лесов, но строевые сосны остались только тут, на правом берегу, в двадцати километрах от нанайского стойбища Пивань, разросшегося в рабочий поселок.

Самых выносливых и стойких парней направил комитет комсомола на заготовку леса. Но оставалась нерешенной проблема — как доставлять бревна в Комсомольск. Новый начальник строительства Викторov, заменивший заболевшего Каттеля, собрал даже специальное совещание по этому вопросу. Долго искали решение. Вozить на лошадях по льду? Но где взять столько лошадей? Построить канатную дорогу? Дорого, долго, нет такого количества канатов. Вozить на грузовиках? Нет горючего.

Молодой техник Василий Сухнев предложил смелое решение: прорубить во льду Амура канал, заполнить его водой и сплавлять бревна с противоположного берега, из Пивани.

Специалисты, пришедшие в Комсомольск с батальонами красноармейцев, согласились с идеей. На Амур вышли сотни людей с ломами, лопатами, кирками, от

берега до берега началась рубка льда. Пылали костры, подводы подвозили комсомольцам еду, ледовый канал метр за метром воплощался в действительность. Через несколько дней застучал движок у Пивани. По гофрированному шлангу хлынула в канал вода из-под льда, заполнила его на всем протяжении. Стоял мороз. Николай Шаров вычерпывал из ледяной траншеи шугу. Первое бревно, брошенное в канал, нехотя, подталкиваемое баграми, поплыло в сторону Комсомольска. За ним второе, третье...

Год спустя писатель П. Павленко писал в «Правде»:

«История одного этого подвига потрясаяща по простоте, изобретательности и выдержке...»

Комсомольск-на-Амуре показывал образцы трудовой смекалки, потрясал воображение современников темпами и рекордами. Но здесь строили не только новые проспекты, заводы и электростанции. Здесь создавались характеры, человеческие судьбы, не имевшие аналогий в истории.

К одной из таких судеб имел непосредственное отношение и бригадир лесорубов Пивани Николай Шаров. Летом 1934-го в его бригаду пришел новичок по имени Алексей. Пришел, казалось бы, учиться, но вскоре сам стал учителем для бригадира.

Алексею тоже было восемнадцать. Он тоже был комсомольцем. Но дорога ему лежала не на великие стройки, а на больничную койку...

А он рвался к настоящей жизни, на Днепрогэс хотел поехать, да мать с отцом перехватили, вернули домой. И в Осоавиахим думал записаться, да не приняли. Однажды ночью удрал на Волгу, отвязал старый ялик и погреб в сторону Сталинграда. В узелке, который прихватил с собой,— кусок хлеба и связка документов.

В Сталинградском обкоме комсомола паренек из тихого провинциального Камышина, знаменитого на весь край своими арбузами, показал свои документы. Секретарь обкома взял в руки удостоверение токаря шестого разряда, удостоверение механика-дизелиста. С сомнением поглядел на худенького, низкорослого Алексея.

— Точно — твои документы?

— А то чьи? Можете проверить...

— А лет тебе для таких документов что-то маловато... Ну да ладно, Алексей. Молодец, что приехал. У нас как раз формируется отряд на строительство Комсомольска-на-Амуре. Путевку тебе дадим. Только сперва сходи к врачу, вот направление. Механики и дизелисты — в самый раз.

Врач осмотрел Алексея, выслушал, обстукал и развел руками. Подтвердил то, что парень знал и без него, но тщательно скрывал: острый врожденный ревматизм. Надо немедленно ложиться в больницу. Какая там путевка на стройку!

Тогда Алексей сам сел в поезд, идущий на Дальний Восток.

В Хабаровске, где о его болезни никто ничего не знал, Алексей сумел получить направление на строительство города Юности. Новый город уже поднимал свои первые кирпичные стены на берегу Амура. Поднялись корпуса судостроительного завода. С палубы рейсового парохода увидал камышинский паренек ряды бревенчатых барачных корпусов, многолюдные улицы. Сотни парней и девочек в телогрейках катили тачки с землей и кирпичом, месили глину и цемент, рыли котлованы.

Спустившись по трапу на берег, парень, прихрамывая, отправился разыскивать штаб в этой суматохе. Худенькое курносое лицо его улыбалось — впервые за две недели долгой дороги.

В комитете комсомола Иван Сидоренко спросил Алексея:

— Профессия?

— Кончил ФЗУ. Токарь. Моторы маленько знаю.

— Топор держать умеешь?

— Топор?

— Ага. Токари нам пригодятся, позарез будут нужны. Но — завтра. А сегодня нужен лес. Потом устроим тебя по профессии. Формируется бригада лесорубов. Предупреждаю — работать будешь в тайге. Это тебе, — Сидоренко глянул в паспорт Алексея, — это тебе не Камышин. Жилья там нет. Пойдешь?

Комсомольский вожак взглянул в лицо новичка. Увидел темные крутые брови, твердую линию губ, во-

левой подбородок. Увидел секундное смущение парня...

Алексей не ждал такого назначения. Всю дорогу его мучил ревматизм. Где-то на сибирском полустанке подхватил и обычную для себя простуду, донимал кашель. В Комсомольске было по-осеннему прохладно. Ехать в тайгу? Думал Алексей попроситься куда-нибудь в мастерские. И вдруг — тайга...

— Я согласен. Когда выезжать?

Бригада лесорубов, которую возглавил Николай Шаров, в тот же вечер на лодках переправилась в Пивань, расположенную в виду Комсомольска-на-Амуре, на том берегу реки. Потом совершила марш-бросок на двадцать километров к месту постоянной работы. Здесь выдали топоры и пилы.

Все двадцать прибывших в бригаду Шарова ребят — новички. «Старожилы» бригады, еще двадцать комсомольцев, жили во времянке на лесной поляне. Пополнению они обрадовались, хотя предстояло его учить и воспитывать.

Лиственница — железное дерево. Прямое, прочное, долговечное. Большой спрос на этот материал у строителей. Одно плохо — трудно поддается лиственница топору. В первые дни у непривыкших ребят вздулись кровавые мозоли на ладонях. Николай Шаров без устали показывал, как пилу держать, как силу экономить, под каким углом топор всаживать в ствол. Построили на поляне вторую времянку, приехала из города Валя — повариха, веселее стало в пиванской тайге, горячие щи появились.

Работала бригада так. Облюбованное дерево пилили у корня. Когда оно падало, обрубали верхние сучья и ветки, не трогая нижних. Потом впрягались в них и волокли на чистое место. Здесь распиливали дерево на бревна и катили их к просеке.

Заметил бригадир, что часто останавливается Алексей, тяжело дышит.

— Что с тобой, парень, нездоров?

— Все в порядке, — отвечал Алексей. — Задохнулся маленько.

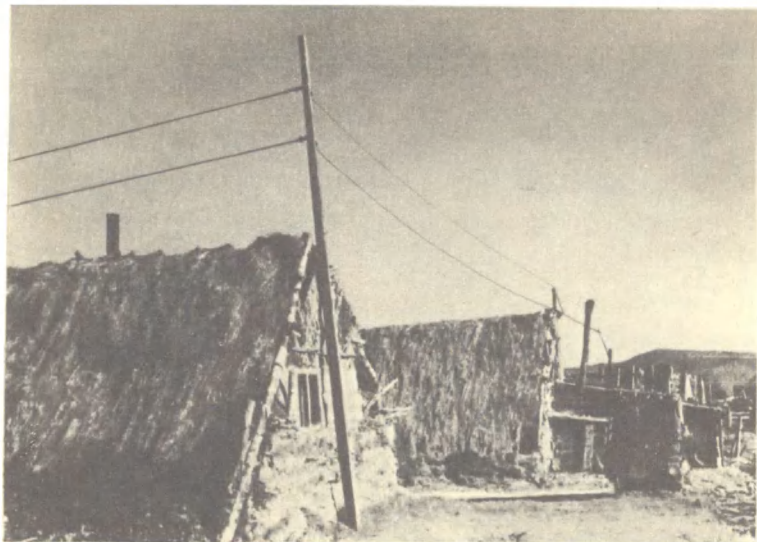
С берега ребята видели, как на той стороне реки, в

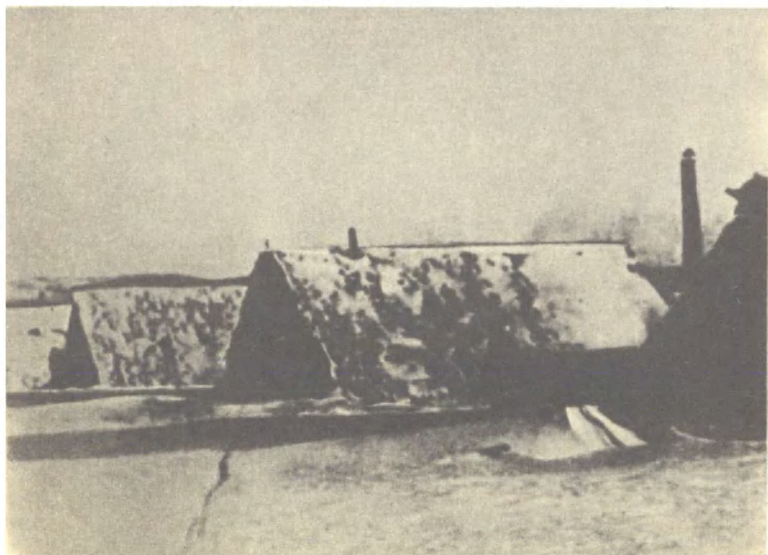
Здесь высадились первые добровольцы.

На одной из улиц Комсомольска.

Первые шалаши «Копай-города».

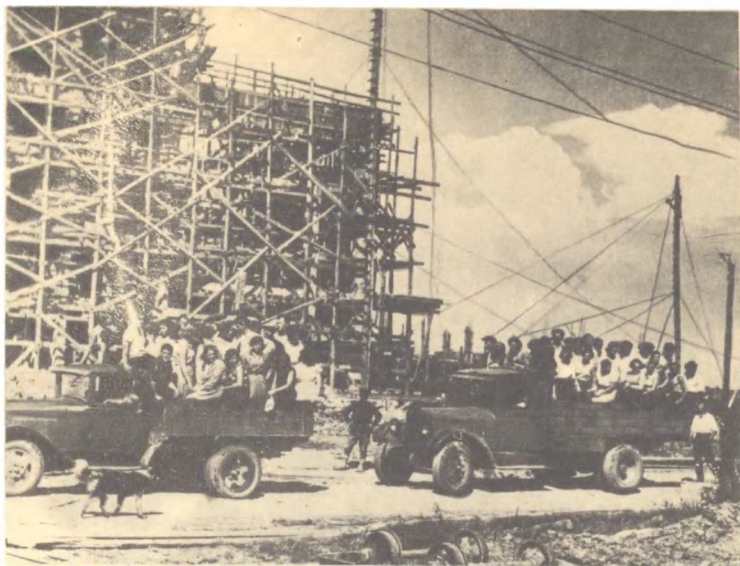

Один из первых митингов.

«Десант» легендарных хетагуровок — девушек, приехавших строить Комсомольск.

Лето 1932-го.

Идет амурская сталь.

Растет и благоустраивается Комсомольск.

Выступает Алексей Маресев.

Никогда не забыть тех, кто отстоял свободу, мир и счастье.

Шагает БАМ.

Город-спутник Солнечный в долине халдоми.

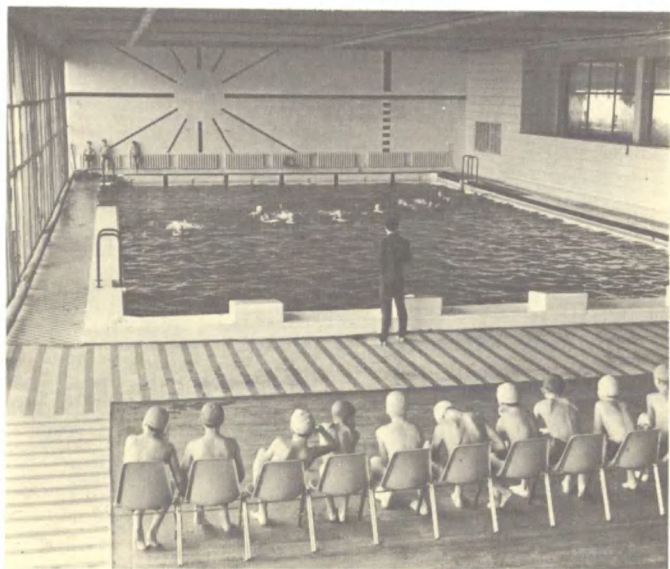

После ударной смены.

Дом молодежи — подарок Ленинского комсомола городу.

Один из новых кинотеатров города.

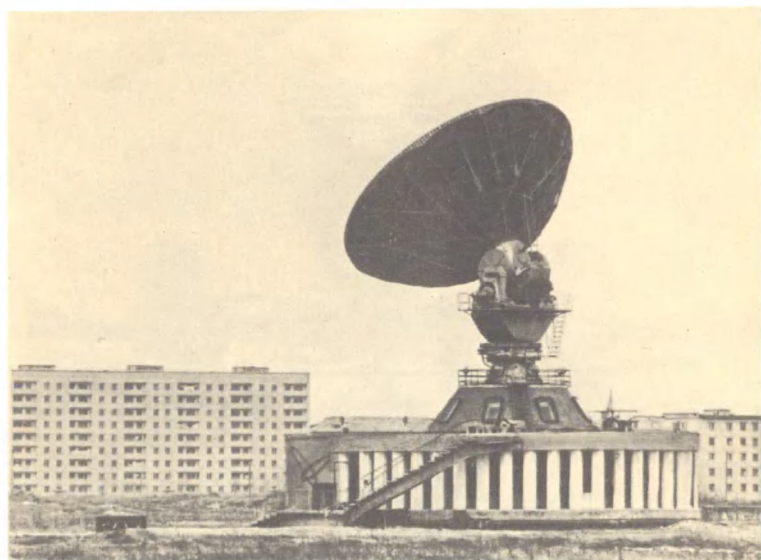
Нанайские мастерицы.

Минус тридцать пять. Строительство продолжается.

«Орбита» слушает Москву.

Такая рыба водится в Амуре...

На щедрой амурской земле.

Выпускной бал.

В Политехническом институте.

Завтрашние строители и металлурги.

Комсомольске, росли дома. И радовались. Значит, в дело идет строительный материал, добытый здесь ими!

По вечерам во времянках было весело. Балагурили, танцевали, шумно, с комментариями, читали газеты, которые привозил на лодке нанаец Афанасий Бельды — однорукий почтальон. В этих газетах писали и о том, что на Западе не верят в возможность создания в глухой дальневосточной тайге нового социалистического города. Не по зубам, мол, это Советам. Провалятся они со своей затеей, мир насмешат.

Как там мир — в бригаде Шарова не знали, но сами смеялись от души. А утром снова работали, крушили вековую тайгу. Волокли тяжелые влажные стволы и, придавленные их тяжестью, продутые холодным амурским ветром, были счастливы. И казалось, видели то, что мы знаем сегодня: многоэтажный город на берегу великой реки, прямые проспекты, нарядную толпу у театра, корпуса заводов, возвышающиеся над тайгой. Видели форпост индустрии на Дальнем Востоке, как говорили тогда.

Алексей поднимался затемно. Пока ребята просыпались, готовились к смене, он бегал по осеннему заиндевевшему лесу, занимался гимнастикой, закалял себя. Алексей объявил молчаливую войну нездоровью. Наверное, врачи в родном Камышине ужаснулись бы, узнав, какой рецепт против ревматизма отыскал этот невысокий паренек: купание в ледяном ключе. Только Николай Шаров, бригадир, новый друг, глянув на рассвете в заиндевевшее окошко времянки и увидев там — в дожде ли, в тумане ли, в первом снеге — маленькую фигурку, упрямо топающую по тропинке, повторял как бы про себя:

— Характер у парня...

Хроника 1934-го:

Открылись первые детские ясли.

В июне построен и принял первых строителей дом отдыха на берегу Амура.

Дала ток районная электростанция.

Выдал первую продукцию бетонный завод.

Строителям социалистического города: «Исполком

Коммунистического Интернационала Молодежи шлет сердечный привет и поздравления героям-комсомольцам, строителям социалистического города на Амуре».

В сентябре заселен первый полностью благоустроенный район Комсомольска, названный Брусчаткой. В микрорайоне — клуб, столовая, магазин, радиоузел.

По новому призыву ЦК ВЛКСМ тысячи юношей и девушек Москвы, Горького, Одессы, Ростова, Уфы, Кирова получили комсомольские путевки на строительство города.

«Комсомольская правда», 5 ноября 1934 года: «Вчера в Москву с Дальнего Востока вернулась съемочная группа во главе с режиссером Александром Довженко...»

Созданный режиссером фильм «Аэроград», навеянный впечатлениями от растущего Комсомольска, стал новой агитацией за всенародное освоение богатств Дальнего Востока.

Газета «Амурский ударник», 29 октября 1934 года:

«Вчера в Комсомольск прибыла делегация V краевого съезда Советов. В составе делегации писатели тт. Фадеев, Павленко, Кулыгин...»

Делегация съезда была встречена на двенадцатом километре лучшими ударниками стройки и командой красноармейцев-лыжников».

Той зимой Алексей впервые встал на лыжи. Николай Шаров, опытный лыжник, сызмальства привыкший к сибирским морозам и снегу, дал ему несколько советов, и теперь камышинский паренек каждый вечер делал пробежку по берегу Амура. Потом начал осваивать под руководством Николая коньки. Он тогда не мог знать, что эти шаровские уроки пригодятся ему через десять с лишним лет, когда он вновь начнет учиться бегать на коньках.

Очень нравился бригадиру Шарову этот паренек, Алексей.

Ловкий, маленький, упрямый, он не принадлежал к категории «рубах» и весельчаков-балагуров. Улыбался редко, по-детски как-то, застенчиво. Все больше помалкивал.

Но когда бригадиру приходилось отлучаться, он знал, что именно Алексей сумеет правильно расставить

ребят, дать всем толковое задание. Уважали его в бригаде. Особенно после случая с движком.

Пришли к лесорубам два местных жителя из стойбища Пивань.

— Посмотри, начальник, — сказали они Шарову, — чего мы нашли.

И повели на старый склад, запорошенный снегом, заброшенный. Лежал там движок японского производства, старый механизм, забытый здесь со времен гражданской войны.

Никогда не было электричества в Пивани. И нанайцы, и строители, и лесорубы по вечерам жгли лучину, а чаще — костры на снегу: чтобы и светло и тепло.

Вызвался Алексей оживить трофейный механизм. Инструментов у него почти не было, под рукой оказались только плоскогубцы да молоток. Вечерами при неверном свете лучины разобрал он движок до винтика, уразумел его устройство, собрал, отладил. Съездил в Комсомольск, выточил в мастерских несколько деталей. Потом добыли горючее. И появился в нанайском стойбище электрический свет. В качестве подарка и благодарности пригласили охотники стойбища в бригаду тушу целого оленя.

Сравнилось Алексею ровно девятнадцать лет, когда стали называть его в бригаде Алексеем Петровичем. Вот как это было.

Сейчас лесорубы, управляющие сложными мотопилами, трелевочными механизмами и скреперами, пожалуй, и не понимают значения слова «шалаш». Того смысла, которое вкладывали в него лесорубы тридцатых годов. .

«Шалаш» — это когда спиленные деревья не падают на землю. Густые кроны соседних деревьев не дают им упасть. Два, три, десять деревьев уже спилены, а соседние кроны, вся густая тайга, не позволяют деревьям лечь как положено на землю. Они застряли в вышине, спутались в «шалаш», и все это сооружение держится на весу, раскачивается под ветром.

Чтобы ликвидировать «шалаш», нужно срубить еще одно-два дерева, те самые, на которых все держится.

В марте тридцать пятого случился «шалаш» на участке бригады Шарова. Время тогда было горячее,

к берегу уже пристал катер, чтобы везти бревна в Комсомольск, а дневное задание не выполнено — деревья застряли.

Бригадир потихоньку ругался, в основном — по своему адресу, но ни кого из ребят не посылал на ликвидацию «шалаша». Дело это опасное. Рухнет все, не успеешь оглянуться...

— Дай-ка я попробую, бригадир, — тихо попросил Алексей.

— Не позволяю!

— Ты не бойся, я осторожно. Иначе не успеем норму выполнить. А у меня мыслишка есть...

— Вот что, давай вместе, — решил Николай, выбирая по руке топор. — Если что — накроемся вместе...

— Нет, ты со своим огромным ростом только мешать будешь. А накрываться мне сегодня не расчет. Знаешь почему? В аэроклуб вечером пойду.

— В какой аэроклуб, про что ты?

— Газеты надо читать...

Вся бригада затаив дыхание следила за тем, что делал Алексей. А делал он вещи диковинные — и ведь никто его не учил этой науке, своей смекалкой дошел. Первым делом забрался парень под «шалаш» и протоптал в три стороны тропинки в глубоком снегу.

— Пути отступления будут, — пояснил он.

Потом долго изучал наклон пихты, на которой держался «шалаш», прикидывал, с какой стороны лучше приняться. Затем в заснеженной тайге гулко отдались удары топора. Все молчали.

Вот так два года назад молчала другая бригада — Алексея Смородова — на заломе.

Теперь тезка Смородова сделал всего несколько точных и верных ударов; пихта громко треснула, и «шалаш» начал крениться. Не выбраться бы Алексею из-под него по глубокому снегу, да пригодилась загодя протоптанная тропинка. Ухнули деревья вниз, только слегка задели ловкого парня по ватнику.

Когда дело было сделано, бригадир затоптал истерзанную папиросу «Норд» и повторил на новый лад слова, сказанные год назад:

— Характер у парня! У Алексея-то нашего Петровича!..

Вскоре в штабе стройки вспомнили, что камышинский парень имеет квалификацию механика-дизелиста. Вспомнили потому, что технический парк новостройки пополнился двумя новыми механизмами — катерами-буксирами. На один из этих катеров и направили работать Алексея механиком.

В бригаде провожали его с сожалением.

— Если что, Петрович, не глянется работа — давай к нам назад. Примем! — сказал Шаров.

Газета «Ударник Комсомольска», 26 февраля 1935 года:

24 февраля кинотеатр «Ударник» был до отказа набит рабочей молодежью. Секретарь комитета комсомола тов. Минкин, открывая вечер встречи бывших партизан с комсомольцами и рабочей молодежью, сообщил, что в ответ на письмо, посланное бригадирами-комсомольцами в крайком ВЛКСМ тов. Листовскому с просьбой об организации у нас аэроклуба, из Хабаровска со звеном осовашихимовских самолетов прилетели секретарь крайкома комсомола тов. Листовский, начальник авиации тов. Пургас и член Президиума ВЦСПС тов. Богданов...

Управление строительства выделило на организацию аэроклуба 200 тысяч рублей. В ближайшее время будут закуплены 5 самолетов, 2 запасных мотора и разное оборудование. Принято такое решение: всем строителям отработать четыре дня в фонд постройки аэроклуба.

Эту газету и имел в виду Алексей. У себя дома, в Камышине, он еще четырнадцатилетним мальчишкой увидал вблизи самолет. Было это в те дни, когда в приволжском городе открыли аэроклуб. Вместе с однолетками Алеша проводил долгие часы на летном поле, с завистью следя, как поднимается в воздух неуклюжая четырехкрылая машина. Впрочем, неуклюжая — по сегодняшним меркам. Ребятам она казалась верхом технического совершенства. Алексей много раз просил ин-

структора записать его в аэроклуб, тот отсылал к врачам, и ответ был всегда одинаков: слаб здоровьем.

Перейдя работать на катер, Алексей поселился у затона, в общежитии. А это в двух шагах от аэроклуба. Вернее, от транспаранта «Здесь будет аэроклуб города Комсомольска-на-Амуре. Становись в ряды Осоавиахима!». Записался он в аэроклуб десятым по счету. А всего в аэроклубе вскоре числилось 78 учлетов — так называли себя курсанты.

Первое задание, которое они получили, — раскорчевать поле под аэродром. Затем учлеты построили длинный барак, в котором были оборудованы классы и служебные помещения. Механик Николай Черкасов «пригнал» из Хабаровска плохонький старый самолет.

Машина была в аварийном состоянии. Черкасов принялся ее латать, лечить, приводить в порядок. Вот когда пригодились знания Алексея! Вместе с механиком он, что называется, поставил машину на ноги. Помогали им все курсанты, в том числе и Николай Шаров, который тоже записался в аэроклуб и теперь числился учеником у своего бывшего подчиненного Алексея...

Катер, на котором работал Алексей, назывался «Партизан». Как только сошел лед с Амура, отправился он в плавание.

Эпопея Комсомольска-на-Амуре сделала известными на всю страну целую плеяду замечательных строителей. Бетонщика Ивана Сидоренко, чемпиона мира по количеству замесов, плотников Алексея Смородова и Ефима Дороднова, строителей Константина Зангиева, Евдокию Селютину и многих других комсомольцев. Они корчевали пни и клали стены, возводили школы и прокладывали улицы.

Но далеко не все знают, что была еще одна эпопея Комсомольска, не менее героическая; была целая армия людей, трудившаяся ради нового города, создававшая его — так и не притронувшись к мастерку и кирпичу.

Армия этих людей трудилась на Амуре. Начиная с первых рейсов «Колумба» и «Коминтерна» речники встали на ударную вахту, обеспечивая площадки строительными материалами, самих строителей — продовольствием, одеждой, инструментами. Большинство

грузов прибывало в новый город по воде, железной дороги тогда не было.

Амур — река своенравная. В непогоду поднимается на нем волна «морской» силы, весной и осенью разливается Амур на десятки километров.

Катер «Партизан» вышел из Хабаровска с грузом овощей поздней осенью. Кроме того, были на борту ящики с навигационными приборами для аэроклуба и несколько мешков с зерном.

Капитан катера Андрей Гапонов да его моторист, Алексей, рассчитывали добраться до места назначения за трое суток, но расчет был слишком оптимистичен, хотя путь достаточно легкий, вниз по течению. Дело в том, что начались морозы, судно то и дело попадало в островки шуги, густой, как каша. В дневное время эти островки были хорошо заметны и их легко было обойти. Ночью же двигатель то и дело работал натужно, грозя заглохнуть: шуга мешала продвижению.

«Партизан» шел по тем местам, где полтора года назад красноармейцы совершали свой ледовый переход: мимо поселка Черная речка, мимо Вознесенска и других редких прибрежных поселков и стойбищ.

Овощи, которые вез катер, имели свою историю. Недели две назад группа комсомольцев была командирована в Благовещенск. Там для стройки заготовили картошку и капусту.

Когда прибыли на место, оказалось, что заготовлены не овощи, а неприятный сюрприз. Картошка была на самом деле, но не на складе, а в земле. Не хватало рабочей силы.

Посланцы из Комсомольска раздумывали недолго. Попросили в колхозе лопаты и принялись за копку. Работали днем и ночью. В темноте рыли при свете фонарей. Торопились, чтобы успеть до конца навигации, иначе овощи так и останутся здесь до весны.

Когда, наконец, баржа была нагружена, начались заморозки. Груз был с большим трудом доставлен в Хабаровск, и здесь портовое начальство наотрез отказалось выпускать баржу дальше, ввиду шуги. Тогда-то в Хабаровск и был вызван «Партизан».

Первый день обратного путешествия прошел благополучно. На следующее утро Гапонов обнаружил, что борта обросли льдом. Ватерлиния ушла под воду: катер потяжелел.

Вместе с мотористом скалывали лед с бортов. Судно то и дело встряхивало, это оно наталкивалось на подводные льдины.

К Комсомольску подошли глубокой ночью. Экипаж работал уже из последних сил, особенно устал капитан. Алексей тоже еле держался на ногах. Но это была нормальная мужская усталость. Произошло чудо: ревматизм отступил, дальневосточная закалка сработала лучше микстур.

Уже когда показался скупо освещенный город, заглох мотор...

Моторист облазил, ощупал каждое доступное место двигателя, но так и не нашел поломку. Заклинило винт? Погнуло ударом о льдину? Еще что-нибудь стряслось? Об этом оставалось только догадываться. Мощное течение поворачивало судно, унося его мимо города вниз, в сторону моря.

В рубке и машинном отделении скоро стало темно, сели аккумуляторы. Алексей копался в двигателе при свете коптилки, сооруженной из старой патронной гильзы и промасленной тряпки. Начало светать. Капитан пал духом.

— На кой черт я согласился ехать? Ведь знал же, старый дурак, не первый год по Амуру плаваю, что нельзя.

— Андрей, — перебил его моторист, — ослабь-ка главную гайку на кожухе, вон ту...

— Какая тут гайка? У меня уже руки ключ не держат!

— А ты ополосни руки горячей водой, в бачке еще остался кипяток — легче станет. Сейчас наладим.

— «Наладим»... Железные нервы у тебя, парень! Какую гайку, говоришь?

Поломку удалось найти к полудню, когда Комсомольск уже растаял на горизонте. Запустили двигатель. Он нехотя ожил, застучал, поворачивая катер против течения.

— Бери лом, скалывай лед, — приказал Алексей

капитану, и тот подчинился, почувствовав в своем мотористе, в девятнадцатилетнем парне, старшего.

Медленно отправилось судно вверх по течению, сквозь шугу, навстречу ветру. Горючее было уже на исходе, когда судно ошвартовалось у заиндевелого берега, напротив «Копай-города».

— В самый аккурат успели,— похвалил капитана заведующий складом, принимая овощи.— Ледостав начинается. Как плавание прошло?

— Нормально,— ответил Алексей за себя и за капитана.

Механик аэроклуба Николай Черкасов обрадовался прибытию навигационных приборов. Самолет уже был практически готов к полетам, но задерживала одна неувязка: горючее. По поручению Черкасова учлеты ходили по базам и буквально выцеживали остатки бензина из пустых бочек. Алексей добыл немного машинного масла на глассере, снабженном авиамотором. Приближался заветный день — день первого полета...

Хроника 1935-го:

Установлена постоянная телефонная связь между Комсомольском и краевым центром.

Началось строительство первой кирпичной школы. Будущих школьников в новом городе пока немного, но школа строится «с запасом».

Открылась первая партийная конференция Комсомольска.

«Правда», 2 марта 1935 года: «420 километров великоленного гладкого шоссе уложено через тайгу и горные перевалы от Хабаровска к городу Комсомольску...»

Строители нового шоссе показали рекордные темпы и отличную технику. Дорога выстроена за восемь месяцев. Семь километров трассы уложено через Укурскую трясину на сваях. Перевал через хребет Вандана на протяжении двенадцати километров пройден в скалах».

Сдана в эксплуатацию временная судовой верфь. Один из строителей верфи — Алексей Смородов, принявший отстающую бригаду, дал слово вывести ее в передовые.

26 мая началось строительство завода «Амурсталь»,

первенца металлургии на Дальнем Востоке. Завод создается вблизи Комсомольска-на-Амуре, на месте вековой тайги.

25 ноября сдана в эксплуатацию первая очередь ТЭЦ.

Поле аэроклуба было сковано морозом и оттого казалось прочным и твердым, как бетон.

Алексей шел к самолету, тяжело переставляя ноги в непривычных меховых унтах, которые ему одолжил для первого полета начальник клуба. Кожаный шлем он нес в руках — лицо от волнения горело.

У кромки поля толпились сотни людей, тут же были ребята учлеты: Иван Ткачев, Петр Мельников, Николай Шаров, пришла вся шаровская бригада. На парашютной вышке гроздьями висели городские мальчишки. Возле самолета поджидал механик Николай Черкасов. Он затянул и застегнул ремни Алексеева парашюта — основного и вспомогательного, помог забраться в кабину.

Совсем недалеко от машины Алексей увидел своего тезку — восьмилетнего Алешку Войтовича. Алешка, видно, удрал из-под опеки родителей. Впервые заметил он этого мальчика здесь с месяц назад. Первокласник засыпал Алексея вопросами, завистливо ахал, оглядывая машину, сообщил, что тоже решил стать летчиком.

— А ну — назад! — крикнул Алексей из кабины. — Топай к отцу!

Войтович-младший нерешительно остановился, поглядел на сердитое лицо пилота и нехотя побрел назад.

— От винта, — четко сказал Алексей.

Механик поднял руку, улыбнулся Алексею и отошел в сторону, на жухлую траву.

И в ответ Алексей тоже улыбнулся.

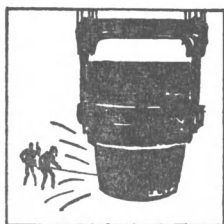
Далеко был строящийся Комсомольск от Москвы, иначе узнали бы в этой улыбке Алексея Маресьева — улыбку Чкалова.

Далеко был строящийся Комсомольск от наших дней, иначе узнали бы в этой улыбке Алексея Маресьева — улыбку Гагарина.

Самолет вырулил на старт, рванулся вперед и поднялся в небо.

ГОРЯЧИЙ МЕТАЛЛ

1942

Самолет вырулил на старт, рванулся вперед и поднялся в небо. «Дуглас» качнул, прощаясь, крыльями над Амуром и лег курсом на запад, к Москве.

Столица уже отбросила врага от своих рубежей, но оставалась фронтовым городом. От Карелии до Черного моря гремели бои. Сражался в блокадном кольце Ленинград. Ночными маршами шли к Волге, к Сталинграду, ударные дивизии сибиряков и дальневосточников.

«Дуглас» спешил на фронт, на передовую линию, вез делегацию бойцов мирного фронта, трудового. В кабине ударники строительства Комсомольска-на-Амуре, в большинстве своем — девушки. В первые же дни войны многие мужчины-комсомольчане были мобилизованы, ушли добровольцами защищать Родину. Но город Юности продолжал жить своей напряженной жизнью. На полную мощность работал судостроительный и другие заводы.

Росли корпуса новых предприятий и жилых кварталов в районе Дземги — на месте бывшего нанайского стойбища. Женщины и подростки встали у станков, поднялись на строительные леса. Комсомольск работал для победы.

Летела в Москву и Валентина Дементина, ладная девушка в строгом синем костюме. На лацкане пиджака поблескивал орден Ленина. Самая высокая награда Родины была вручена Валентине несколько дней назад, однако знаменитым человеком в Комсомольске-на-Амуре она стала в первые же месяцы своего приезда на Дальний Восток, в 1939 году.

Прибыла Валя на строительство города Юности по комсомольской путевке. Отказалась от канцелярской работы в управлении, отказалась работать в детском саду, в столовой — попросилась на самое тяжелое дело. А таким делом тогда, в 1939-м, было сооружение первенца металлургии на Дальнем Востоке — завода «Амурсталь».

Это предприятие, призванное в корне изменить промышленную карту края, дать восточным районам металл, решили построить на окраине Комсомольска, у самых сопок. Город уже оделся в камень, прямыми линиями тянулись улицы и проспекты, спроектированные ленинградскими архитекторами, взявшими шефство над таежной стройкой. Тротуары были застланы асфальтом. Словом, застала Валентина вполне удобный для жилья, комфортабельный Комсомольск.

Однако здесь, на площадке будущего завода «Амурсталь», все напоминало первые годы. Стояли на склонах временки строителей, ползли грузовики-полупотурки по глубоким колеям, по колено в болотной жиже трудились сотни корчевщиков.

Прораб Николай Гаврин, раздумывая, куда бы направить Деменину, вслух рассуждал:

— В подсобницы, что ли? Или на рытье котлованов?

— А что будет потруднее?

— Потруднее будет бетонирование. Только это не для тебя, девушка.

— Как так?

— Бетонирование, — пояснил прораб, — дело мужское. Тяжелое. У нас одни парни в бригадах. Засмеют и тебя и меня.

— Ну мы еще поглядим... насчет смеха. В какой бригаде есть место?

Прораб прищурился. Новенькая ему явно понравилась. Невысокая, но видно — крепкая, значок ГТО имеется. В самом деле, попробовать ее, что ли, определить в бригаду бетонщиков? Людей на бетонировании как раз не хватает, а объем работ с каждым днем растет.

— Пойдем в бригаду Славинского.

— Погоди, где у вас бытовка — переодеться?

— Крайний барак видишь? Там и спецовку получишь.

Из бытовки Валя вышла неузнаваемой, похожей на мальчишку — в темном комбинезоне и кепке, под которую она убрала волосы. За подростка ее и приняли в бригаде Славинского, работавшей на фундаменте будущего мартеновского цеха. Выделили ей тачку-«рикшу», бригадир коротко сказал:

— Как зовут? Валя? Валентин, значит. Будешь в паре с Бородулиным.— И подозвал к себе высокого худого парня в галифе Дмитрия Бородулина: — Объясни, что и как.

Бородулин подхватил свою тачку, в которой колыхалась серая масса — раствор бетона, и бегом помчался по дощатому настилу в сторону котлована, крикнув Дементиной:

— Делай, как я.

Тачка, даже порожняя, показалась Вале невероятно тяжелой. «Домчав» ее до растворного узла — тогда на площадке было принято работать именно так, в темпе бега,— девушка остановилась отдышаться. Окинула взглядом огромную стройку, и она навсегда осталась в ее памяти как символ ее комсомольской юности. Загорелые парни, в лад вскидывавшие кирки, косынки девчат, нестройные звуки песен, несущиеся с разных участков большой площадки, цепочка каменщиков, перебрасывающих из рук в руки кирпичи.

Пройдут годы, Валентина Семеновна Дементина увидит другие стройки, оснащенные транспортерами, кранами, бульдозерами, но эта, первая, останется главной. Останется в ее душе праздником труда.

В первый день она досадовала, что тачка сработана из толстого листового железа. И жечь сгодились бы! Но несколько рейсов по дощатому настилу с тяжелой ношей убедили ее: вес, при умелом обращении с ним, может стать помощником. Грузеная «рикша» несется по инерции, если удерживать ее в строго вертикальном положении. Вот только повороты... На поворотах нужно притормаживать, тратить силы и дорогое время.

В обеденный перерыв Валя взяла лопату и принялась переделывать повороты на дороге от растворного узла к котловану.

В бригаде уже знали, что «прибывшее пополнение» — девушка. Бригадир пошел объясняться к прорабу.

— А где я тебе парней возьму? Сама попросилась, я ее не заставлял. Вы того... не перегружайте ее.

— Само собой.

Славинский вернулся на участок и тут увидел, что все ребята столпились вокруг новенькой и наблюдают за тем, что она делает. А Валя устанавливала доски настила на поворотах под углом к земле.

— Это для чего же? — поинтересовался бригадир.

— Сейчас покажу, — ответила Деменина, тщательно утрамбовывая почву. Она подхватила «рикшу», разогнала ее и прошла поворот на полной скорости.

— Здорово! — восхищенно сказал кто-то из ребят. Бетонщики захлопали в ладоши.

— Просто, а хитро, — похвалил бригадир. — Как ты додумалась?

— Чего тут думать? Самолет, видал, как заходит на поворот?

— Точно — дает наклон!

— Качать Деменину, — предложил Булат Валиахметов.

— Я тебе покачаю! — строго сказал бригадир и, подозвав к себе Булата, добавил шепотом: — Она же девушка, а не парень. Ты лучше потихоньку сбегай в сопки за цветами. А то — «качать»!

— Есть за цветами, — так же тихо ответил Булат.

Придуманная Валею хитрость сразу же вывела бригаду в передовые по темпам доставки бетона к котловану. Все повороты настилов были переделаны, тачки неслись без остановок. Несколько дней спустя на участок пришли соседние бригады — перенимать опыт.

К Демениной в бригаде установилось бережное, рыцарское отношение. Подставила она свою тачку под загрузку раствором — ей стремятся положить бетона поменьше.

— Так не пойдет, — заметила уловку Валентина, взяла из рук парня лопату и догрузила «рикшу» до краев.

На котловане плотники в темпе сколачивали опалубки для бетонных кубов — блоков фундамента. Доставив раствор на место, Валя сгружала его в форму, трамбовала опущенным в густую жижу ломом (через несколько

лет появятся механические вибраторы, использующие этот простейший прием).

Все получалось у нее ловко и легко. На строительстве «Амурстали» добрый пример Дементиной заразил многих девчат. Месяц спустя после прихода Вали в бригаду бетонщиков, точнее, бетонировщиков — в те годы одним и тем же людям приходилось и замешивать бетон, и доставлять его на объект, и бетонировать — к ней в бригаду попросились еще две девушки, Маша Кирюхина и Таня Давыдова. Очень быстро они доказали, что могут трудиться не хуже мужчин. И в этом был свой смысл, который тогда не все умели передать словами, но чувствовали отчетливо: над миром, над нашей страной нависла угроза нашествия фашизма. «Если завтра война, если завтра в поход — будь сегодня к походу готов», — пели отряды осоавиахимовцев и ворошиловских стрелков.

«Если завтра в поход, — как бы заявляла Дементина и ее подруги по бригаде бетонировщиц, — можете быть в нас уверены, ребята. Сможем заменить вас, довести строительство завода до конца».

В первые дни войны большинство мужчин со строительной площадки завода «Амурсталь» ушли на фронт. Записались в медицинские сестры подруги, Кирюхина и Давыдова. С заявлением послать и ее на защиту Родины пришла в комитет комсомола Валентина.

— Хорошо, Валя, — ответили ей в комитете, — ты будешь защищать Родину. Но только здесь, дома. Сейчас для Комсомольска нет важнее задачи, чем эта — быстрее дать фронту металл. Металл для танков, самолетов, боевых кораблей. Надо строить завод, удесятерить силы. Есть предложение назначить тебя бригадиром фронтовой бригады бетонщиц.

— Фронтовой?

— Да, потому что темпы и ответственность должны быть фронтовыми. Сто человек будет в твоей бригаде. Перебросим ее на строительство нового объекта — прокатного цеха.

— Справлюсь ли я?

— Справишься, — ответил сидевший за столом

могучего сложения человек, одетый в военную гимнастерку.

Так Деменина впервые познакомилась с Иваном Сидоренко — прославленным комсомольским вожаком города Юности, в прошлом знатным бетонщиком.

Есть сегодня в Комсомольске-на-Амуре улица Ивана Сидоренко. Живет на этой улице его жена, Евдокия Селютина-Сидоренко, и четыре сына. Прибыл Иван в село Пермское в первом десанте, но уже известным бетонщиком. До начала строительства Комсомольска его имя прогремело на сооружении Харьковского тракторного завода. Вот как о двадцатилетнем парне писала газета того времени: «Сидоренко, Этот юноша (ему всего двадцать лет с широкими сросшимися бровями, со взрослой суровостью во взоре, — это командир комсомольского сквозного батальона красногвардейцев пятилетки. Того батальона, который награжден на Всесоюзном совещании бетонщиков знаменем газеты «Труд». Тот Сидоренко, который дал мировые рекорды по замесу...»

Эту цитату следует разъяснить.

На сооружении Харьковского тракторного завода бригадир бетонщиков Сидоренко впервые применил ударные темпы работы. Более того, он глубоко изучил приемы и методы бетонировки и пришел к выводу, что существующие нормы замесов бетона можно резко повысить. Ивану сначала не поверили. 401 замес в сутки, согласно самым строгим подсчетам и хронометрированию, могут дать шестьдесят человек (в сводном батальоне Сидоренко было именно столько работников).

В те годы самым большим авторитетом по бетону и бетонированию был австрийский профессор Зайлигер. По его учебникам учились студенты почти всех строительных институтов мира. Согласно выкладкам профессора и опыту самых авторитетных зарубежных строительных фирм, 401 замес — предел.

И вот Сидоренко вывел свой ударный батальон на побитие мирового рекорда. Расставил людей в шахматном порядке, проинструктировал еще раз. Комсомольцы принялись за дело. К концу рабочего дня по всей площадке будущего литейного цеха разнеслась весть — есть 801 замес!

Эта весть затем облетела весь Харьков, всю страну, слух о невиданном, невозможном рекорде Сидоренко дошел до Зайлигера в Вену. К профессору нахлынули репортеры.

— Герр профессор, как объяснить, что советским бетонщикам удалось вдвое превзойти теоретическую возможность?

— Этого не может быть, — улыбаясь, покачал головой ученый.

— Но русские пишут! Не поколеблет ли их сообщение ваш авторитет теоретика бетонного дела?

— Я думаю, здесь какая-то ошибка. Все скоро разъяснится...

Но рекорды загадочного Ивана Сидоренко следовали один за другим. Старый профессор всерьез заволновался. Он решил более не ставить под удар свой авторитет и поехал в Харьков.

Зарубежную знаменитость встретили, проводили в гостиницу, предложили для начала, как полагается, осмотреть город и его достопримечательности, но Зайлигер отказался, попросил немедленно отвезти на площадку строительства тракторного завода, к Ивану Сидоренко.

Здесь он оставался весь день. На его глазах, в его присутствии бетонщики повторили рекорд — дали 801 замес. Ученый был в замешательстве. Все верно! Нашелся специалист, который глубже его знает дело! Профессор попросил представить его этому человеку.

— Да вот он, Иван! — ответил сопровождающий и указал на парня, которого Зайлигер весь день видел рядом с собой, рядового бетонщика, почти мальчишку.

Профессор долго тряс руку Сидоренко. Расспрашивал о подробностях дела. И обнаружил в разговоре через переводчика, что Иван прекрасно знает все его труды, более того — видит некоторые просчеты в его теории. И это простой рабочий!

Зайлигер вернулся в Вену... переписывать свои учебники. И прятаться от репортеров.

Вот какой человек был Ваня Сидоренко, сидевший сейчас напротив Валентины Демениной в комитете комсомола строительства «Амурстали».

Он давно приглядывался к Демениной. Присущая девушке тяга к ударничеству, вкус к соревнованию, стремление сегодня сделать больше, чем вчера, — все эти качества для Сидоренко были своими, родными. И главными в человеке. Он и предложил доверить Валентине коллектив в сто человек.

Иван Сидоренко написал такое письмо в Центральный Комитет ВКП(б):

«...Меня, прожившего в Комсомольске шесть лет, работавшего здесь по колено в воде, перенесшего цингу, голод, глубоко волнует судьба города, который построен в глухой тайге... Нужен металл, нужен наш завод. Поэтому меня возмущает затяжка строительства металлургического завода...

Возможно, я ошибаюсь, но опыт, приобретенный мной на строительстве ХТЗ и Днепрогэса, подсказывает, что строить на Дальнем Востоке надо быстрее и работать стахановскими методами труда».

Это мысли человека неравнодушного, считающего себя в ответе за все, в том числе и за судьбу нового города. Таково было его мировоззрение. В Демениной Иван увидел своего преемника и, уходя на фронт, спешил передать ей все свои знания и опыт в бетонном деле.

Все дни перед отправкой на фронт Сидоренко провел в бригаде бетонщиц. Уезжая, просил писать ему о том, как идет строительство завода, держать в курсе всех дел.

Женская бригада бетонщиц работала не зная усталости. Наступила первая военная осень, пришли холода, на пустых улицах Комсомольска люди появлялись только в недолгие минуты передачи по радио военных сводок Совинформбюро; слушали, подняв головы к черным громкоговорителям, укрепленным на столбах, и снова торопились к рабочим местам.

Закончив фундамент мартена, девушки перешли на бетонирование траншеи к мартеновскому цеху. В августе Валентину приняли в партию. Она стала настоящим мастером. В каждый блок, в каждый куб фундаментов она вкладывала всю силу души, потрясенной страданиями Родины. Быстрее, быстрее построить завод! Но ей было жаль, что труд бригады — пройдет немного време-

ни — скроется под землей навсегда, ведь это фундамент. На нем держится все здание, стоящее на виду, его же, как корней дерева, не видно. Однажды, забетонировав очередной участок, Валя взяла кисть и вывела горячей смолой на остывшем бетоне три буквы — ДВС.

Увидев это «личное клеймо», девочки улыбнулись, Тася Бунакова сказала:

— Правильно. Будет наш общий опознавательный знак!

Инициалы Деменевой Валентины Семеновны всем в бригаде сразу же показались самой лучшей меткой на фундаментах. Потому что она, их бригадир, работала лучше всех, была душой коллектива. Вслед за Валею и другие девушки стали выводить на бетонных блоках в глубине траншеи эти буквы — ДВС. Пусть останутся под землей, заставят когда-нибудь потомков поломать голову, поискать в архивах и старых газетах объяснение трем загадочным буквам!

Пришел на участок Иван Гаврилович Егин, сталевар, прибывший на «Амурсталь», но пока, в ходе строительства, работавший каменщиком, спросил:

— Это как понять — ДВС?

Вася Жиганов, плотник-опалубщик, хотел было уже ответить, но его опередила сама Деменева:

— Очень просто, Иван Гаврилович. Дальневосточная сталь.

Тася Бунакова удивленно посмотрела на бригадира, потом на своих подруг-бетонщиц, чуть покраснела.

— Дальневосточная сталь? А мы думали...

— Что думали? — спросила Деменева.

— Ничего, — ответила Тася.

В первые зимние месяцы темпы работ стали еще выше. Бригада перешла на работу внутрь цехов. Мела над Комсомольском невиданной лютости пурга, стояли сильные морозы. Однажды в декабре — Деменеву только-только избрали комсоргом стройки — лопнули от холодов трубы водоснабжения, залило всю эстакаду, где работала бригада. По колено в ледяной воде отстаивали смену бетонщицы, но все работы на эстакаде закончили точно в срок.

Из приветствия ЦК ВЛКСМ молодым строителям завода «Амурсталь»:

Центральный Комитет ВЛКСМ поздравляет комсомольцев и молодых строителей с пуском первой очереди подшефной комсомолу стройки — завода «Амурсталь», с выдачей первых тонн металла...

Да, было сделано то, что мы называем трудовым подвигом — в невиданно короткие сроки, в условиях войны, острой нехватки рабочих рук, продовольствия, транспорта был построен и пущен крупнейший металлургический завод. Первые тонны металла, упомянутые в приветствии Центрального Комитета, Валентина Деменина тоже запомнила на всю жизнь. Потому что это были ее тонны.

15 февраля 1942 года в мартеновском цехе, уже прогретом теплом расплавленного металла (хотя окна еще не были застеклены и кровля не закончена), грянул духовой оркестр. У тыльной стороны печи собрались почетные люди города, партийные и комсомольские работники, члены государственной приемочной комиссии. Пришла и Евдокия Сидоренко с четырьмя своими сыновьями. Сталевар Иван Гаврилович Егин определил готовность стали. Потом протянул ломик-пику Валентине Демениной, указал на замазанное огнеупорной глиной отверстие в печи и сказал:

— Давай, Валя. Твое право.

Деменина ударила пилой в летку, и в ту же секунду из печи хлынул в ковш ослепительный сноп металла. Все бросились обнимать друг друга, женщины, их было большинство здесь — усталые, измотанные, худые от недоедания, но совершившие невозможное, — плакали. Плакала и Валя.

На следующее утро Евдокия Сидоренко написала мужу на фронт — об этом он настойчиво просил в своих «треугольничках» с передовой — о торжествах по случаю пуска завода.

Полгода спустя это письмо Евдокии Петровны найдут в нагрудном кармане гимнастерки героически погиб-

шего в сражении за Сталинград Ивана Сидоренко, первостроителя Комсомольска, давшего имя одной из самых красивых его улиц.

Но в кабине самолета, спешившего летом сорок второго в Москву, Валентина Деменина думала, что по справедливости должна после войны вернуть орден Ивану Сидоренко — именно его уроки, его письма помогли ей руководить бригадой, выдержать небывалый темп труда, перенести все невзгоды.

Делегация ударников Комсомольска-на-Амуре побывала на передовой. Валентина и ее товарищи рассказывали бойцам о Комсомольске, о его делах, о пуске металлургического завода. И эти рассказы добавляли красноармейцам уверенности и твердости духа, укрепляли мужество.

Дальневосточники приехали и в блокадный Ленинград...

Самолет опустился на пустыре, возле разбомбленного здания. Висели над крышами затемненных домов аэростаты воздушного заграждения. То и дело надсадно выли сирены воздушной тревоги. На Неве стояли боевые корабли, превращенные в зенитные батареи, — их орудия глядели в небо. Больше всего потрясли Валю голодные дети, их глаза. В первый же день Деменина раздавала весь запас еды из своего вещмешка. Особенно один мальчишка запомнился, белокурый, лет четырнадцати-пятнадцати. Запавшие щеки, на макушке — хохолок. Нес мальчишка на руках годовалую сестренку с зажатым в руке сухарем. Брат все время спотыкался: смотрел не на дорогу, а на сухарик. Защемило у Демениной сердце. Напомнил этот парнишка другого подростка, такого же белокурого, Алешу Войтовича...

Пробыли в Ленинграде неделю. Встречались с балтийскими моряками, выступали в цехах заводов, на фабриках, по городскому радио рассказывали о Большой земле. По дороге на аэродром встретили колонну наших танков, шедших к центру города. И все разом попросили шофера притормозить. Потому что на головном танке — красным по броне — сияли слова: «Бьет дальневосточная сталь».

Остановилась и танковая колонна. Как своих, родных людей, обнимали дальневосточники танкиста и стрелка головной машины, сделанной из металла «Амурстали». Валентина подобрала кусок кирпича и дописала на броне слова: «За Родину!»

Осенью того же 1942 года Комсомольск-на-Амуре посетил прибывший в нашу страну с визитом вице-президент США Генри Уоллес.

Гостя и многочисленную свиту возили по пустынному осеннему городу. С Амурса дул резкий, пронизывающий ветер, и Уоллесу один из его спутников настойчиво советовал знакомиться с достопримечательностями Комсомольска по возможности сквозь стекла автомобиля.

Но в одном из районов вице-президент все-таки распорядился остановить машину и вышел в непогоду. Секла лицо холодная морось. На большом пустыре несколько женщин в телогрейках и тяжелых кирзовых сапогах копали землю, добывая маленькие картофелины.

Увидев легковые автомашины, высокого человека в светлом костюме, женщины бросили копать и в свою очередь принялись разглядывать чудного гостя. Приближались сумерки, женщины спохватились и снова взялись за лопаты, не обращая более внимания на гостей. Дома ждали голодные дети.

Многое поразило вице-президента в дальневосточном городе. Его безлюдность, особенно заметная после шумного Вашингтона. Его сосредоточенность. Поразили женщины на пустыре, их сбитые руки, кирзовые сапоги. Но более всего был поражен Генри Уоллес, когда привезли его на новый, только что построенный сталелитейный завод, который уже давал металл для фронта.

В мартеновском цехе, скупо освещенном в вечернее время, он обратил внимание на нескольких низкорослых сталеваров, снующих у печи. Когда отблеск раскаленного металла упал на лица этих рабочих, Уоллес отступил на шаг. Перед ним были дети.

Он подозвал ближе всех стоящего мальчишку. Белоголовый, с хохолком на макушке, чумазый, в отцовской

обуви, степенно подошел он и по просьбе гостя представился, кашлянув в кулак:

— Алексей Войтович, подручный сталевара.

Уоллес обратил взгляд на второго мальчишку.

— Ваня Зборовский, — назвался тот, не отрываясь от работы.

Уоллес хотел было потрепать Алешу по голове, но рука остановилась на полпути — не к месту, фальшивым показался бы сейчас этот традиционно-покровительственный жест взрослого. И Уоллес это понял.

Уходя из цеха, он все оглядывался на маленьких сталеваров и качал головой:

— Какая тяжелая, какая трагическая судьба у этих детей! Я расскажу о них у себя на родине... Боже, что ждет их впереди?

Да, судьба Алексея Войтовича, Ивана Зборовского, Михаила Положеева и других мальчишек-сталеваров «Амурстали», заменивших ушедших на фронт родителей в цехах завода, была на самом деле нелегкой.

Но ждало их впереди отнюдь не то, что заставило пригорюниться американского вице-президента.

Они росли, становились не по годам взрослыми, так почти и не побыв детьми.

Алеша Войтович, например, навсегда невзлюбил футбол.

А между тем в тридцатые и сороковые годы футбол в нашей стране был особенно популярен. Все мальчишки гоняли во дворе мяч, а если его не было — просто консервную банку. Однажды после смены, уставший до изнеможения, Алеша возвращался домой. Недалеко от завода увидел нескольких мальчишек, бегавших по утопанному снегу вдогонку за тряпичным мячом. Алеша еле стоял на ногах, но, увидев игру, забыл про усталость. А тут еще кто-то из игроков позвал:

— На ворота станешь?

Алеша оглянулся — нет ли поблизости кого-нибудь из заводских, и занял место в воротах. «Пяток минут поиграю, — решил он, — и домой». Дома ждала мать и братишка.

Игра получилась ничего, приличная игра. Войтович

два раза взял почти «девятку». Потом уступил место в воротах другому мальчишке и перешел в нападение. Словом, заигрался до темноты.

Домой пришел в начале девятого. Полез в карман за хлебными карточками, полученными сегодня на заводе на месяц вперед, и побледнел. В кармане ватника было пусто.

Помчался назад, к заводу, на то место, где играл в футбол. Ребята уже разошлись, мел снег, было совсем темно. Мальчишка облазил на коленках все поле, разыскивая оброненную бумажку — пропитание на целый месяц, — да где ее найдешь? И ветер вон какой. Слезы стынут на щеках.

На следующий день Деменина допыталась у Алеши, почему он повесил нос, почему работает вполсилы. Рассказал Алеша про потерю.

Валентина Семеновна обошла многих людей в цехе. Кто дневную, кто двухдневную карточку оторвал от месячного блока. Принесла Алеше тридцать драгоценных квадратики.

— Больше не потеряешь?

— Что вы, Валентина Семеновна, — обрадовался Алеша, — как вы достали?

— Не я достала, твои товарищи в цехе поделились. Себе меньше хлеба оставили...

Алеша протянул карточки обратно.

— Не могу я...

— Бери, бери. У тебя мать дома, брат. Ты же кормилец! Нельзя этого забывать.

Вот после этого случая и невзлюбил Войтович футбол.

Потом, став взрослым, понял — не в футболе дело, игра-то ни при чем, хорошая игра. Но пересилить себя не мог. Услышит звук удара по мячу — и вспомнит маму, как она глядела в тот вечер, когда он шарил по пустым карманам ватника...

Вошла в строй вторая очередь «Амурстали», задули еще одну печь. Под руководством мастера Егина молодые подручные с каждым месяцем все увереннее осваивали литейное дело. Наливались силой руки и плечи

Алеши. Он уже уверенно работал, мог проверить температурный режим мартена, помогал сталевару. Потом осваивал завалочную машину, новинку отечественной техники. Постепенно становилась ясной технология приготовления металла, накапливались опыт и знания.

Закончилась война, вернулись домой отцы Алеши и Вани и застали свой завод окрепшим, растущим. В 1947 году Алексею Войтовичу и Ивану Зборовскому присвоили почетное звание сталеваров. Отслужив в армии, оба вернулись на родной завод, в мартеновский цех, поступили заочно в институт.

Они росли неразлучными друзьями, так и остались ими на всю жизнь.

Рабочий день Алексея Михайловича Войтовича начинается нынче строго по расписанию — в восемь часов утра. Но любит сталевар в день смены встать пораньше, не торопясь пройтись по бульвару к трамвайной остановке и первым, еще полупустым вагоном отправиться в дальнюю часть города у подножия синих сопок, которая так и называется — Амурсталь.

Конечно, ходят сюда и автобусы, есть разговоры о том, что скоро пустят троллейбус. Да и завод не скупится, присылает свой транспорт за теми, кто живет в центре. Но Войтович любит именно трамвай. На то есть причины.

Город просыпается. На широких проспектах гаснут фонари, с Амура тянет свежестью, на остановках входят в трамвай все новые и новые люди. И каждый кивает Алексею Михайловичу. В почти трехсоттысячном Комсомольске Войтовича знают все.

На заводе, в мартеновском, в полном темпе дорабатывает последний час смены бригада Ивана Борисовича Зборовского. В длинном пролете цеха, наискось перечерченном первыми дымными лучами солнца, сплывают завальщики, подручные, механики, цех сразу же оглушает грохотом машин, воем огня, лязгом железа. Вот и сам Зборовский, у четвертой печи, закрыл лицо рукавицей, глядит из-за щитка в пылающее отверстие мартена, что-то кричит подручному, тот кивает.

Войтович с невольным восхищением наблюдает изда-

ли за Зборовским. Не заглянешь в лицо, поглядишь на него сзади — кажется, молодой человек работает, словно и не пролетели десятилетия с той поры, когда пришли они сюда мальчишками. И движения у Ивана Борисовича все те же — ловкие, быстрые, пружинистые, а ведь Алексей Михайлович знает: валит его друга с ног свинцовая усталость. Смена заставляет выложиться полностью не только пожилого, но и молодого рабочего. А Зборовский весел, свеж — таков характер этого человека. Именно характер: никому не показать, что ему уже за пятьдесят.

Войтович в этом похож на друга. Однако года здорово его изменили. Тогда, в сорок втором, они были с Ваней одного роста, одного сложения. Теперь Алексей Михайлович — на голову выше Ивана Борисовича, сложение у него — мощное, дородное. И в отличие от Зборовского, Войтович нетороплив. Сколько раз он говорил Ивану: «Ну чего ты носишься? Чего прыгаешь? Ты гляди на меня — поспешай медленно, больше успеешь». «Не могу, Алеша, хочу, а не получается», — смеется Зборовский.

Приходит Войтович в цех раньше положенного времени потому, что за лишний час успевает войти во все тонкости и особенности прошедших суток в цехе, каждая смена ведь не похожа на предыдущую. Плавки только для посторонних людей одинаковы, для сталеваров — все разные, особенные. Постигнешь эти особенности — тогда спокойно продолжишь начатое сменщиками, примешь печи на полном ходу, как говорят, во всеоружии.

Так работают два сталевара уже много лет.

В восемь утра бригада Войтовича хозяйничает в мартеновском цехе. Привычная, до мелочей изученная и всегда новая технологическая цепочка производства металла поглощает внимание сталевара. В ведении Войтовича — десятки разных операций, и каждую выполняет он виртуозно, недаром к нему то и дело приезжают учиться люди со всего Дальнего Востока, да и из европейских областей страны.

Взять хотя бы подачу лома. Под потолком цеха безостановочно ползут мощные рельсовые краны. На тросах вместо ковшей — круглые электромагниты. Нажатием кнопки в кабине крана магниты приводятся в дей-

ствие, и беспорядочные груды лома, сваленные на складской площадке, оживают, шевелятся, тянутся к блюдцу электромагнита. И вот уже многотонный «еж» — магнит со щетиной заржавленных обрезков труб, рельсов, металлических плит — ползет под сводами цеха. Сталевару нужно держать в поле зрения всю динамику подачи сырья к каждой из пяти печей цеха, не допустить и минутного сбоя в работе из-за нестачи лома. Приготовление металла — дело тонкое, расписанное по минутам. Чуть-чуть запоздал с загрузкой в печь очередного компонента плавки — и качество металла может снизиться.

Сталевар снабжен переговорным устройством для связи со всеми крановщиками, он дирижирует, словно большим оркестром. Уже одна эта задача — в сплошном грохоте цеха, в движении десятков механизмов — способна полностью поглотить все рабочее время сталевара. А таких или подобных по сложности задач у Войтовича — десятки.

Алексей Михайлович обходит по очереди все печи, проверяет качество готовящегося металла, берет пробы, пристально всматривается через фильтры в цвет пламени и бросает короткие команды:

— Углерода маловато... Убери на треть тягу...

Наблюдая за Героем Социалистического Труда Алексеем Михайловичем Войтовичем в процессе работы, среди скупно выражаемого, но несомненного почтения к нему всех рабочих и мастеров, инженеров и технологов, я подумал — такой судьбе можно позавидовать, зря сокрушался вице-президент Уоллес...

Самые почетные люди в Комсомольске-на-Амуре — первостроители. Их именами названы скверы и улицы, школы и клубы.

Алексей Михайлович — не первостроитель. Он начал работать в грозном сорок втором году. Но, в нарушение традиций, одну из улиц в городе зовут дорогой Войтовича. Правда, негласно. Это — трамвайный путь, протянувшийся на девять километров от центра города до завода «Амурсталь», та самая трамвайная линия, которую предпочитает Алексей Михайлович скоростным автобусам. История ее такова.

Когда знатного дальневосточного сталевара избрали в начале пятидесятых годов депутатом Верховного Совета республики, избиратели ему дали наказ: постараться, чтобы построенный на отшибе завод «Амурсталь» и его микрорайон имели надежную связь с центром города.

Алексей Михайлович и сам понимал важность этого дела. Многие заводские добираются на работу то попутными машинами, то пешком. Однако строительство трамвайных путей в Комсомольске тогда не намечалось.

Вопрос о прокладке трамвайной линии в городе был поставлен на краевом Совете народных депутатов. По настоянию Войтовича в Комсомольск прибыла специальная комиссия. Она пришла к выводу, что вопрос поднят верно и вовремя. Деньги на строительство трамвайных линий Госпланом были выделены. И первый трамвай пошел по стальным рельсам именно сюда — к заводу «Амурсталь».

Живут по соседству три семьи.

Семья Сидоренко — Евдокия Петровна, воспитавшая, поставившая на ноги четырех сыновей: Николая, Петра, Юрия и Василия. Четыре брата очень похожи на своего отца, такие же высокие и широкоплечие, такие же чернобровые. В последнем отцовском письме с фронта — наказ сыновьям: «Будьте верными патриотами Родины, честными, стойкими, трудолюбивыми, отдавайте все силы великому делу социализма, партии и народа. А еще — любите наш славный город». Они верны этому наказу. Навсегда связали свою судьбу с Комсомольском, воспитывают в любви к этому городу своих детей — внуков Ивана Сидоренко...

Семья Валентины Семеновны Демениной — наследницы трудовых подвигов Сидоренко.

Семья Алексея Михайловича Войтовича, комсомольского воспитанника Демениной.

В судьбе этих трех семей — зримое воплощение преемственности поколений. Алексей Михайлович знает, что настанет черед его сыну взять в руки эстафетную палочку. Пишет сын из института — учеба идет нормально, скоро защита диплома, попросил направить

после окончания в Комсомольск-на-Амуре, на родной завод.

Как праздника, ждет сталевар возвращения сына, чтобы вместе с ним прийти в мартеновский цех.

Алексей Михайлович до мельчайших деталей помнит тот день сорок второго года, когда он робко перешагнул порог завода. Стерлись в памяти беды и огорчения, но навсегда свежа та ни с чем не сравнимая радость — впервые ощутить себя хозяином этого громадного, видного на всю страну завода.

Привести сюда сына — не значит ли заново испытать ее? Бывает ли такое на свете — неповторимая радость, испытанная дважды?

СУМКА СОКРОВИЩ

1967

Неповторимая радость, испытанная дважды, — именно это почувствовал Афанасий Бельды из нанайского стойбища Дземги, когда из-за сверкающей на солнце излучины Амура показался большой белоснежный пароход и Афанасий прочитал на его борту:

— Ко-лумб!

Было это ровно тридцать пять лет назад! Вон сколько времени миновало с того дня, как стоял он двадцатилетним пареньком на этом самом месте, вот тут, где высится обелиск в честь первого десанта.

— «Колумб»! — теребил Афанасий за руку Николая Годунова, Толю Русака и других своих новых друзей, стоявших рядом. — Снова «Колумб»! Тогда была труба и черный дым! И колесо. И Алексей Смородов. Где он, Алексей?

— Про кого ты, дядя Афоня? — не понял Годунов.

— Смородова не знаешь? Эх ты, а еще в Комсомольске работаешь. Лучший работник был. Сам Блюхер ему руку жал! — и нанаец тихонько засмеялся от избытка чувств.

Но главная неожиданность ждала его впереди.

Пароход тем временем выполнил плавный разворот и причалил к новой пристани в центре белокаменной набережной, как раз напротив дворца, украшенного цветной мозаикой и сверкавшего сплошными стеклами стен. Дворец этот только-только освободили от строительных лесов, и он засиял своей необычной красотой. Это подарок Центрального Комитета комсомола городу Юности в честь его 35-летия — Дом молодежи.

Из приветственного письма ЦК ВЛКСМ:

КОМСОМОЛЬЦАМ И МОЛОДЕЖИ,
ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ
КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ.

Центральный Комитет ВЛКСМ горячо поздравляет комсомольцев и молодежь, всех трудящихся Комсомольска-на-Амуре с 35-летней годовщиной со дня основания города и высокой правительственной наградой — орденом Ленина...

Наследники первых строителей Комсомольска-на-Амуре сегодня вновь прокладывают тропы в тайге, строят новые фабрики и заводы, открывают природные клады, которыми сказочно богат Дальний Восток. Амурск, Солнечный, Горный — вот лишь некоторые рубежи, которые успешно взяли молодые дальневосточники сегодня.

В наши дни Комсомольск — крупнейший индустриальный и культурный центр на востоке страны. Молодой город варит сталь, катает прокат, выпускает сложнейшие машины. Комсомольск сегодня — это город просторных улиц, застроенный благоустроенными жилыми домами, школами, техникумами, клубами, библиотеками, кинотеатрами, детскими садами. Но самое драгоценное богатство Комсомольска — это его люди: рабочие и инженеры, учителя и студенты, неутомимые труженики, горячие патриоты своего края, беспредельно преданные делу партии, делу народа...

Центральный Комитет ВЛКСМ выражает твердую уверенность в том, что молодежь славного города Комсомольска-на-Амуре будет и впредь высоко нести знамя своих отцов, чье мужество и беззаветная преданность делу Коммунистической партии вдохновляют новые и новые поколения Страны Советов на новые великие свершения во славу коммунизма.

Центральный Комитет ВЛКСМ.
Июнь 1967 года.

Новый «Колумб», доставивший в город Юности делегатов Всесоюзного слета молодых передовиков производства, закончил швартовку, и по трапу на дальневосточную землю сошли первые гости. Впереди быстрым, пружинистым шагом шел человек, вызвавший бурю восторга тысяч комсомольчан, заполнивших набережную,— Юрий Гагарин. По узкому проходу, образованному в толпе, первый космонавт Земли поднялся на трибуну у Обелиска. Протиснувшись к самой трибуне, Афанасий Бельды увидел чуть позади Гагарина плотного седого человека. Сначала он не узнал его, но когда тот улыбнулся, Бельды радостно закричал:

— Смородов! Алексей!

Гагарин поднял руку, и тишина разлилась над площадью у Дома молодежи.

— Иногда нас спрашивают: зачем нужна такая напряженная работа? Зачем мы работаем так, зная, что, в общем-то, работаем на износ? — говорил Гагарин, и каждый понимал, что слова эти обращены и к нему, и к тем, кто возводил город, кого нет рядом, но чей труд воплотился в улицы и заводы в глухой тайге.— Но разве люди, перед которыми поставлена важная задача, большая цель, разве они могут думать о себе, о том, насколько подорвется их здоровье, сколько именно можно вложить сил, энергии и старания, чтобы их здоровье не подорвалось? Настоящий человек, настоящий патриот, комсомолец и коммунист, никогда об этом не подумает. Главное — выполнить задание...

Афанасий Бельды почувствовал, что кто-то положил руку ему на плечо. Он обернулся. Рядом стояли Годунов, Русак, Ровин и все остальные ребята. С трибуны улыбался Афанасию Алексей Смородов. И летел, летел над толпой чистый, веселый голос Гагарина...

Поселок Солнечный, упомянутый в приветственном письме Центрального Комитета комсомола, а точнее — город-спутник Комсомольска-на-Амуре, растет на берегу реки Силинки.

Дали ему имя Солнечный не случайно. Рассказывают, что в тот самый день, когда геологи обнаружили в этих местах коренное месторождение касситерита,

оловянной руды — а дело было осенью, в период обложных дождей, — из-за туч выглянуло солнце. Так и пошло — Солнечный.

Приехал сюда Николай Годунов из Белоруссии, из большого и благоустроенного города Минска, имея «твердую» специальность экономиста. Он и сам не понимал долго, как решился на такое — бросить дом, налаженную во всех отношениях жизнь и махнуть за тридевять земель, ориентируясь на одно, случайно услышанное слово — Солнечный.

Вся жизнь Годунова, двадцатипятилетнего человека, шла до этого неторопливо и спокойно. Десятилетка, армия, техникум, крайний стол у окна в бухгалтерии автомобильного завода. И сам он — невысокий, круглолицый, с тихим голосом и робкими манерами, так подходил к своей профессии и должности, что на день рождения сослуживцы подарили ему... черепаховую оправу для очков.

— Да у меня нормальное зрение, — смущаясь, проговорил Годунов, принимая подарок.

— Ничего, можно простые стекла вставить, — утешила его Надежда Николаевна из планового отдела, — тебя, я слышала, должны выдвинуть на должность зама главного бухгалтера? Куда ж на такую должность при мальчишеской физиономии! Носи, привыкай...

Ничего в них не было плохого, в очках. Как не было ничего плохого и в троллейбусе, что утром привозил Николая на завод, в телевизоре на комод, рядом со старинной вазой, в портативной счетной машинке, которой Годунов пользовался дома, если была сверхурочная работа. Но пришел однажды день, когда и троллейбус, и машинка, и ваза показали ему раз и навсегда данными спутниками жизни, надоевшими и унылыми. Он увидел себя со стороны — низкорослого, с тугим потрепанным портфелем, с ранней полнотой от сидячей жизни. И стало ему невмоготу. Нет, дело было не в том, что разлюбил он свою работу. Не разлюбил. Просто включил однажды утром радио и услышал:

— У подножия гор Мяо-Чан, в тридцати километрах от Комсомольска-на-Амуре, десант добровольцев приступил к корчевке тайги под будущий город-спутник Солнечный...

У подножия гор Мяо-Чан, в тридцати километрах от Комсомольска-на-Амуре, скрыта подо льдом своенравная речка. В долине, по гребню холма, выстроились несколько рубленых изб. На крайней из них — красная табличка: «Строительное управление». Здесь — штаб Солнечного, а по совместительству — все общественные организации строящегося города: партком, исполком, комитет комсомола, народная дружина.

К избе подруливают запыхавшиеся самосвалы с карьеров, лихо подкатывают городские «Москвичи». Снег возле стройуправления плотно утоптан, петли на дверях визжат без передышки.

Солнечный строится. Это его главное содержание сегодня, вся суть и весь облик. Поселок живет сосновой рейкой и кровельным железом, «бетоном-500», который запаздывает, и балками перекрытий, которых навезли непрошеную прорву, на несколько кварталов вперед.

Поселили Николая Годунова и еще четверых новичков в общежитии, сложенном из прочного дерева. Стоять бы ему сто лет, да больше полугода не продержится, снесут в Солнечном все деревянные строения.

С высоких оснеженных гор, с заметенного русла реки, тоннелем уходящего в глубь тайги, дуют в окно морозные ветры. Что ни утро — похоронена под снегом протоптанная накануне тропка. В удивление Годунову здешние глухие места. Позавчера из долины, которую местные жители называют «халдоми» — «сумка сокровищ», пробралась в поселок рысь. Пробежала по пустующей главной улице и остановилась возле гастронома, где пыхтел, дожидаясь разгрузки, автомобиль-холодильник. Рысь понюхала воздух, открыла лапкой дверь и выволокла из холодильника половину бараньей туши. Чудеса!

Рослый, атлетического сложения начальник строительства Соболев при первом знакомстве долго оглядывал Николая, вздыхал. Не мог определить, куда его деть. В отдел труда и зарплаты разве, что в Комсомольске расквартирован?

— Нет,— мотнул головой Годунов.— Здесь останусь. Я работать приехал.

— Значит, в бригаду? — усмехнулся Соболев.

— В бригаду.

— Ну ладно,— ответил начальник, подписывая направление,— когда соскучишься — приходи назад. Мне экономисты как раз скоро понадобятся.

В одну бригаду каменщиков попали почти все новые ребята, приехавшие в одно время с Годуновым и обжившие одну комнату общежития: Анатолий Русак, Слава Кисель, Леня Вихров, Виктор Ровин. Были они все разные — силач Ровин, поместивший под своей койкой две двухпудовые гири, смешливый Слава, баянист и молчун Русак. Но всех объединяло одно — в строительном ремесле смыслили новички очень мало.

Мастер участка Степан Дмитриевич Саяпин, принимая новую бригаду и знакомясь с личными делами, то и дело хватался за телефонную трубку и звонил Соболеву:

— Ну как я с ними буду план давать, Михаил Илларионович? — кричал он.— Хоть бы одного кадрового!

— А ты на что? — глухо отвечала трубка.

Бригадира решили пока не назначать и не выбирать — не из кого, авось управление «подбросит» опытного каменщика, а пока новым коллективом взялся руководить по совместительству сам Саяпин. Но приходилось ему не столько руководить, сколько учить, растолковывать.

— Жижее замешивай раствор,— говорил он Ровину,— кипятку не жалей.

— Как — не жалеть? Три километра за ним ездил. А может, замешать на холодной воде? Колонка-то рядом.

— Попробуй.

Обрадованный Ровин быстро развел цементный порошок и песок на холодной воде, и раствор тут же смерзся.

— Привыкайте к нашему морозу,— улыбнулся мастер.— Я специально позволил такой «эксперимент». В дальнейшем прошу верить мне на слово.

Поручили бригаде строить пятиэтажный жилой дом на новой улице, которой пока не существовало,— был ряд строительных площадок у самого сосняка, припорошенного снегом. Годунов и его новые товарищи — а сошлись ребята быстро, как в вагоне поезда,— жгли бревна на каменной от мороза земле, оттаивали ее, и

тогда на площадку приходил ковшовый экскаватор — с трудом «процарапывал» котлован под фундамент.

Уложили у края площадки бетонные шпалы для крана, смонтировали кран — бригада помогала и монтажникам, и экскаваторщикам, училась по настоянию Саяпина помаленьку всему. Уставал Годунов, и когда вечером другие ребята уходили в Комсомольск — в кино или торопились в поселковый клуб на танцы, он валился на свою койку и еле сдерживался, чтоб не стонать: ныла спина, руки, все тело от непривычных перегрузок, лезли в голову мысли — может, бросить эту затею? Звал же Соболев работать в управление...

Но утром, едва зацветало красным заиндевелое окошко и ребята, топая валенками, бежали по коридору к оледеневшему умывальнику, он включался в общий ритм, и вчерашние мысли исчезали сами собой.

В котлован уложили бетонные блоки фундамента, бригада вырыла проходные каналы, оборудовала подвал — закончила так называемый нулевой цикл, закладку дома до первого этажа. Впрочем, когда производилось это слово — «дом», — воспринимали его не совсем всерьез. Не верилось, что их ежедневная, в общем-то, простая работа — таскание кирпичей, песка, трамбовка, укладка цемента, — все это и есть сооружение самого настоящего дома, где будут жить люди. Дома пока не было видно.

Настроение ребят резко изменилось после того, как Саяпин натянул на колышках бечевку вдоль фундамента, взял первый силикатный кирпич и уложил его на дымящуюся лепешку раствора.

— Класть строго по бечевке, просветы — как я учил, концы буду делать сам, начинай, — скомандовал он.

Николай Годунов, за ним Ровин, Кисель и другие ребята, посмеиваясь, начали повторять действия Саяпина — захват мастерком густого раствора, шлепок на бетон, кирпич, удар сверху ручкой мастерка, подровнять, снова захват... Строчка за строчкой, ряд за рядом белый кирпич ложился на свое место, и к обеду бригада в лице Славки Киселя заметила: «Братцы, глядите, что делается — мне уже по грудь!»

Ребята отошли в сторону и как бы впервые увидели: стена, ровная, настоящая, уверенно поднялась от земли

на целый метр вдоль всей площадки. Они недоверчиво переглянулись. Знакомый, изученный до мелочей за прошедший месяц пейзаж: присыпанные снегом головешки костров, желтые мозаичные стволы сосен, горка кирпича, ажурный кран — все это «смотрелось» на фоне невысокой стенки совсем по-иному.

Стена была какая-то чужая, но тут же взгляд Годунова выхватил в третьем ряду выщербленный кирпич, который он хотел выбросить, но Саяпин остановил: «Крепкий кирпич, садовая голова, я тебе выброшу! Клади, потом бетоном подровняешь...» Увидел этот кирпич — и обрадовался, стена стала «своей».

На следующий день она поднялась на высоту человеческого роста, бригада начала сколачивать первые леса. Недоверие сменилось сперва растерянностью, а потом серьезностью — в общежитии, на перерывах, в столовке, в каждую свободную минуту только и говорили о «своем» доме. Теперь уже Саяпин тайком посмеивался, глядя на своих подопечных, — этот взрыв серьезности ему был хорошо известен и привычен, не одну бригаду поставил на ноги.

Прикатил на площадку Михаил Илларионович Соболев и долго объяснялся с мастером о «фронте работ», причем вся бригада слушала их разговор, ничего не понимая. Разве что Николай Годунов был слушателем более заинтересованным...

Хроника 1967-го:

В Комсомольске-на-Амуре начато сооружение приемной станции «Орбита» для трансляции передач Центрального телевидения через космический спутник связи для трудящихся Комсомольского района.

На Всесоюзной ударной стройке — городе-спутнике Амурске — закончен монтаж шаровых емкостей целлюлозно-картонного комбината, который будет работать на дальневосточной древесине. Шаровые емкости для варки целлюлозы — оборудование, полученное из Франции, — смонтированы молодыми инженерами Амурска в связи с задержкой прибытия зарубежных специалистов и в сроки, втрое более сжатые, чем предусматривалось по проекту.

Городской комитет партии присвоил звание почет-

ного гражданина Комсомольска-на-Амуре Юрию Алексеевичу Гагарину. Первый космонавт планеты открыл новый Дом молодежи с киноконцертным залом, плавательным бассейном, кабинетами для кружковой работы.

На судостроительном заводе сданы государственной комиссии ледоколы «Гижига» и «Наварин».

В память о ледовом переходе воинов-строителей в 1934 году городской комитет комсомола организовал лыжный агитпереход по его трассе.

На ударной комсомольской стройке — сооружении Солнечного — пущена электростанция, обслуживающая первую очередь растущего промышленного гиганта — крупнейшего в нашей стране оловорудного комбината, который будет давать самое дешевое в стране олово.

Жизнь в поселке Солнечный — стремительная. В отдалении, у сиреневых, остро сверкающих снегом на изломах гор Мяо-Чан, плывут низкие дымы над первым цехом оловорудного комбината. Туда прокладывается широкая шоссейная дорога. За горами, в глубине тайги, обнаружены геологами новые месторождения — предстоит расширить первоначальные планы строительства, возвести мост через Силинку. Каждую неделю появляются в Солнечном новоселы, руководство управления бросило дополнительные силы на сооружение вечерней школы и детского сада. На сопке уверенно растет первая улица, четвертый по счету дом которой — годуновский.

Стали его называть так вот по какому случаю.

Николай, самый старший в бригаде и к тому же с опытом экономиста, начал замечать, что рабочие дни бригады непохожи друг на друга. Один — загружен до предела, только успевай пускать в дело кирпич и раствор, другой — посвободнее.

Когда Годунов пожаловался на это Соболеву, тот живо ответил: «А чего ты хотел? Это тебе не завод, где все расписано по минутам. На стройке всякое бывает. Вчера, например, бетона многим не хватило, не привезли. Вырвалась свободная минутка или час — площадку свою приведите в порядок, материалы рядком сложите, действуйте по-хозяйски».

Потом был тот разговор о фронте работ, которого ребята не поняли. А Николая он заинтересовал. Саяпин говорил начальнику, что в ближайшие несколько дней он не сможет обеспечить плановую норму. Соболев посоветовал часть бригады перебросить землекопами на соседний объект. Мастер не соглашался:

— Ребята уже разряды получили, во вкус дела вошли, а я их должен к лопатам возвращать?

— Временно ведь...

— Все равно — не годится.

Чем больше думает Николай, тем чаще сосредоточиваются его мысли на коротеньком слове «наряд». В самом деле, для чего ежедневно после рабочего дня заполняют мастера — или, точнее говоря, закрывают — этот документ? Со слов бригадира отмечают в нем, сколько кубометров кладки сделано, сколько земли вынуто, сколько полов отшлифовано. Потом наряд отправляют в управление — для начисления зарплаты.

Но ведь не только для этого, не столько для этого существует наряд! Должен получать его мастер не после, а накануне рабочего дня — как приказ, как распоряжение на день. Так на Минском автозаводе делалось, так поступают на любом крупном предприятии.

«Здесь не завод», — сказал начальник. Ну и что? Почему хорошее не перенять, не наладить дело на заводской лад?

Если в наряде будет сказано — готовить траншеи, никто и не станет ждать кирпич для кладки, как у нас случается постоянно. Не будет на площадке незапланированных простоев, неразберихи, жалоб на отсутствие фронта работ.

Конечно, это хлопотно — заранее распланировать труд по каждой бригаде, прикинуть заблаговременно, какие материалы есть, какие подвезут, насколько их хватит. Но иначе нельзя. Иначе наряд превратится в простой отчет о проделанной за смену работе...

Пошел с этими соображениями вместе с Саяпиным к начальнику строительства.

Соболев выслушал внимательно, задумался.

— Говорил я тебе — иди работать в управление. Сразу на главную нашу беду напал, узловое звено почувствовал! Согласен с тобой, Николай, с нарядами

у нас пока полная чепуха. Нет экономистов, некому заняться, сдвинуть это дело с мертвой точки. Вот и возьмитесь!

— Попробую, Михаил Илларионович. Только у себя в бригаде. Уходить я оттуда не хочу.

— Жаль. А предложения твои я обмозгую.

На следующий день после работы Годунов пришел в управление, захватив с собой блокнот. Поговорил с главным инженером и другими специалистами, составил по всей форме наряд на неделю. Конечно, опять предвиделась неполная загрузка бригады, где-то по дороге в Комсомольск застрял на Амуре ледокол с грузом закладных деталей для домостроительного комбината, и комбинат в свою очередь задерживал балки перекрытий, в которых должны быть эти закладные детали.

Но вынужденный простой теперь был заранее известен Николаю, и он вместе с Саяпиным распланировал, чем занять бригаду с пользой для дела в те часы, которые раньше предполагалось отпустить на перекрытия.

Неделю работали по новым нарядам спокойно, без срывов, без ленивых перекуров. Мастер одобрительно поглядывал на Николая, да и ребята то и дело обращались к нему за советом. Годунов открывает свой блокнот, сверится еще раз с планом и отвечает:

— Пятеро могут сходить на склад. Утром должны поступить дверные проемы. Можно получить, чтобы потом не тратить время.

Пришли на площадку два бригадира с соседних домов — Соболев прислал их перенимать опыт правильного составления нарядов. Начальник так и сказал: «Сходите на годуновский дом, скоро все управление их начинание подхватит».

Наступает такой час, когда в сенях общежития хлопает дверь и добрую минуту по избе разносится топот. Ребята уже знают, в чем дело. Слава Ровин смотрит на будильник и говорит Толе Русаку:

— К тебе.

Толя молча кивает. Лежит он в своей излюбленной позе, лицом в потолок, на высокой пружинной койке,

глаза закрыты, на груди баян. Мехи старого инструмента еле заметно шевелятся, звучит слабая мелодия.

Это пришел Афанасий Бельды, старый, морщинистый, как сушеный лосось, нанаяц, ныне директор местного гастронома. Правой руки у Афанасия нет.

Познакомился Бельды с Русаком в клубе, когда Толя опробовал новый баян, прибывший по почте для клубного оркестра. Толина музыка погрузила нанайца в тихую задумчивость. Бельды осторожно присел рядом с Русаком, уставился ему в глаза и принялся медленно покачивать в такт головой.

Потом он стал приходить в годуновскую комнату, в общежитие, по воскресеньям и, многократно извинившись, усаживался рядом с Русаком на краешек койки. Толя полулежал, закрыв глаза, мехи шевелились, нанаяц сосредоточенно слушал. За музыку Афанасий платил рассказами о тайге, об охоте, о былых временах в этой самой долине — халдоми. Однажды рассказал про Кривую марь. И ребята ему не поверили.

Тогда старик позвал их с собой.

Лыжи у Бельды короткие, бежит он быстро, часто семеня ногами. Со стороны посмотреть — кажется, скоро устанет. Но вот уже Ровин и Русак, идущие за ним широко, с «мастерским» прихлопом, стали отставать, уже Годунов и Слава Кисель воткнули палки в снег, тяжело дышат, а старик все бежит и бежит. У сухой сосны остановился, обернулся назад, морщинистое коричневое лицо улыбается.

Кончились вырубки в халдоми, остались далеко позади дома поселка, корпуса оловорудного комбината, просека с высоковольтной линией. Все круче склоны сопки, поросшие еловым мелколесьем. Труднее стало бежать. Бельды петляет между деревьями, выбирает путь покороче. То спускается к берегу Силинки, к сугробам, нависшим надо льдом, то снова забирает в еловую чащу. По вершинам елок катится вечернее остывающее солнце. На бровях нарастает от дыхания иней.

У сосняка повернул Афанасий на голую сопку, начал медленно забираться в гору. Сопка крутая, высоко поднимается над головой, отбрасывает длинную тень. В тени — словно сумерки наступили. Неловко поставишь лыжу — и тянет назад. Бельды уже залез

на вершину, к солнцу, шибко дует в рукав — согревается.

С вершины, как с корабельного мостика, далеко все видать. Сизыми волнами уходят к горизонту сопки. В распадах лежат глухие тени. На полпути до соседней вершины замерло тонкое облако, так и хочется снежком в него швырнуть.

Афанасий указывает палкой вниз, в распадок:

— Кривая марь.

По его лыжне ребята спускаются в сгущающуюся темноту. Десять шагов — и сопки уже не видно, другая ее сторона густо покрыта зарослями. Впереди, позади, повсюду — сплошное сплетение белых веток.

— Снимай лыжи, — приказал Бельды. — Уже недалеко. Так пройдем, однако.

Проваливаясь в ломкий наст, ребята выбрались на поляну. По бокам поляны уходят в вышину кедров. Пройдешь чуть в стороне, за стеной кедров — и не заметишь ее. Посреди поляны чернеют в снегу горелые старые пни, и рядом с ними — криво сколоченный из березы крест...

На памяти старого Афанасия халдомы, а в особенности — Кривая марь, не очень почиталась нанайскими охотниками. Да и гураны — так в былые времена называли русских переселенцев: воронежцев, пермяков — обходили ее стороной.

Не то чтобы совсем дурная слава ходила про эти места. Но слушок был, что в долине Силинги охота неважная, ушел из этих мест и сохатый, и медведь, и горноста́й, и белка. Тяжело дышится, что ли, зверью на болотистой почве?

На десятое лето после войны русских с японцами приехал по воде из Хабаровска в стойбище Дземги большой начальник с инструментами. Мать рассказывала потом Афанасию — совсем большой начальник, с погонами и рыжей бородой. Выгнал мальчишку и его мать из хурбы, сам стал жить в доме Бельды.

Хорошо, у Бельды лодка долбленая, можно в лодке спать. Молчит мать, молчит восьмилетний Афоня. Ходит начальник по тайге, белок не стреляет, землю долбит инструментом. Что-то ищет. Знает Афоня, что ищет. У него у самого в лодке лежат красные крючки,

кованные из камня, что найден в халдоми. Молчит Афоня.

Два лета ходил начальник по тайге, на третье нашел халдоми. Афанасий помнит — воротился начальник с красными камнями и говорил сам с собою в хурбе: — Невероятно! Голубая медь! Святой боже!

Потом снова уехал в Хабаровск, но скоро вернулся злой и с забинтованной башкой. Афоне тогда было уже одиннадцать лет, стал он жилистым и крепким. Поглядел на него рыжебородый и не стал больше выгонять из хурбы, сам ушел в тайгу...

Долго живет Бельды на свете.

Стащила, помнит, щука последний красный крючок. Было это в тот год, когда на месте села Пермского, рядом со стойбищем Дземги, начали строить Комсомольск. Афоня к тому времени стал одним из лучших охотников в стойбище, и старая мать очень сердилась, что бросил он промысел — ушел с комсомольцами работать на лесосплав. Там, на лесосплаве, и стащила щука крючок, а где новый взять? Крючки — большая драгоценность. И вздумал парень пробиться через болото в халдоми — на Кривую марь, к красным камням. Ничего не сказал Бельды сплавщикам, только мать предупредил, куда идет.

Ходил Афоня по тайге, ходил — не может найти заветное место, отысканное в мальчишеские годы. Заплутал. День ждала Афоню мать, два ждала, весь табак искурила.

Через неделю принесли парня еле живого, в крови. Отправили в лазарет.

После этого несчастья пошел среди местных нанайцев про Кривую марь совсем нехороший слух. Сказывали, не вернулись оттуда два русских охотника. Увели их горностаи в непроходимые дебри. В другой раз перевернулась лодка в верховьях Силинки. Доплыла, перевернутая, до Силинского озера, а где рыбак — неизвестно.

Случилось же с Афоней вот что. Разыскивая Кривую марь, наткнулся он на сломанный папоротник. Почесал в затылке Афоня — не шел он по папоротнику. Опустился на колени, раздвинул траву — след. Непонятный след.

Забыл Афоня про крючки, про все забыл. Пошел по следу. И привел его след на кедровую поляну, что за голой сопкой. Глянул Афоня из-за ствола вниз — домик стоит на сваях, чтобы зверь не достал. Откуда в тайге домик? Подполз поближе, отодвинул ветку, слышит — скрипнула дверь в домике, видит — тяжело спрыгнул с крыльца человек с коротким ружьем.

Совсем старый человек, с белой лохматой головой, только брови рыжие. На плечи накинута бабий платок. Узнал его Афоня. От удивления сжал ветку, за которую держался, и она звонко сломалась. Поднял голову седой человек, схватил ружье и выпалил на звук. Обожгло Афоне правое плечо.

Стиснул нанаец зубы, не закричал. Потому что лохматый старик глядел в его сторону. Покачал тот головой, бросил ружье на землю и снова полез по лесенке в домик.

А Бельды пополз назад. На Силинке подобрали его геологи и отвезли в Комсомольск.

Звали седого старика Иван Александрович Красноперов.

Одичал, оголодал инженер-полковник Иван Александрович, в дикого зверя превратился. В редкие светлые минуты задумывался Красноперов — сколько лет он здесь, на Кривой мари? Восемь? Десять? Смутно помнит Красноперов другую жизнь. Помнит каменный особняк на Малой Дворянской, помнит Петербург, свою коллекцию минералов и себя помнит — усатого, полнокровного. Помнит Академию в Петербурге... и... и... все. Хотя, позвольте, почему он здесь? Ах да, самородная медь... Иван Александрович кряхтя наклоняется с высокой лежанки и шарит рукой по полу. Наконец, находит помятый котелок, зачерпывает негнущейся ладонью голубику. Долго смотрит на нее, потом отправляет в беззубый рот. Кисло. Сок течет по бороде, капает на пол.

Самородная медь... Кристаллическая... Как это платыни? Забыл... забыл... Вот что не забылось: в Хабаровске, когда он вернулся с образцами, была уже другая власть. Пока он торчал в тайге, бросив полк на произвол судьбы, — заворожила увиденная у кого-то из абори-

генов голубая медь, — голодранцы таки добились своего. А как же его медь? Куда ее теперь? Не будет у вас завода, гражданин Красноперов, не продаются нынче лицензии. Они, новые, небось и слов таких не знают. Ничего не будет. Свинство. Ни Петербурга, ни меди, ни своего завода...

В старческой памяти Ивана Александровича чернели провалы. Почему его оставили в живых, как он вырвался из следственной комиссии, из этого ГПУ, кто помог бежать? Не помнит. Смутными кусками выплывает бурная река, нанайское стойбище в устье таежной реки, у озера. Да, да, было именно так. Он не скрылся в Маньчжурию, как некоторые, даже не подумал об этом в первые минуты свободы. Скорее в Кривую марь, назад, к своей меди. Не отдать, не отдать Кривую марь, никому не отдать! Переждать. Новая власть не может быть надолго. Никто не должен знать про медь, ни одна душа...

В стойбище Дземги Красноперов собрал в охапку свои ружья, кое-как навесил их за спину и ушел в тайгу.

Даже сейчас, столько лет спустя, набухают жилы на шее старика, когда вспоминает он свое унижительное бегство из ГПУ от двух мужиков в папахах с красными лентами. Красноперов выпрыгивает из избенки и, нахохлившись, всматривается слезящимися глазами в темный лес по бокам поляны. Нет, никого. Тишина. Хотя что это? Громко хрустнула ветка наверху, на сопке. Старик вздрагивает и наугад выпускает по лесу тяжелый медвежий заряд. Тишина. Почудилось. Красноперов крестится, туже заворачивается в старый плед и лезет назад в избу.

Срубил он ее еще тогда, в двадцатом. Или в двадцать втором? Какое это имеет значение. Сам, своими руками таскал тяжелые бревна из тайги, сам ошкуривал. Хорошее занятие для дворянина! Потом вколачивал сваи. Нет, они сюда не доберутся. Мало кто знает на свете про Кривую марь, а нанайцы не пойдут. Боятся. А если кто и сунется — господи, прости...

День за днем, месяц за месяцем шагает Иван Александрович по топкой халдоми. Разлезлись постепенно сапоги, опухли пальцы, сжимающие ружье, полиняла рыжая борода, а глаза глубоко провалились. Шагает

Красноперов, как исправный лесник по своим владениям. Шуршат листья под осторожным шагом, золотые листья, медные листья, медные... Никто во веки веков не должен знать про медь! Она — его, и больше ничья.

К ночи возвращается старик в свою избушку и спит звериным сном. А утром, вскочив словно подброшенный, снова берется за ружье и шагает, шагает. Временами не знает уже Красноперов, почему он здесь, чего он ждет, кто он, а все равно шагает и смотрит — нет ли где человеческого следа.

Заматают неприметную, затерянную в глубине тайги поляну сыпучие снега, но одеревеневшие, обмотанные шкурами ноги старика почти не чувствуют холода. Дуют ветры. Гнусаво кричат над головой лесные птицы. Красноперов мутно смотрит на них и идет своей дорогой.

Но стали появляться следы. В одну из ранних весен нашел Иван Александрович в тайге поседевшее пепелище костра и кусок газеты. «Отставание темпов производительности труда от растущего уровня индустриализации нужно квалифицировать только как...» — прочел Красноперов, ничего не понял, но испугался. Придут.

Холодным вечером занес ветер на красноперовскую поляну горький дым. Старик встрепенулся, схватил ружье. На сопке, в километре от халдоми, увидел он людей.

Молодые бородатые парни хлебали суп из котелка. Возле костра лежали вещевые мешки, какие-то незнакомые инструменты и камни. Иван Александрович не знал, что это за инструменты, но камни он узнал сразу. Это была руда, его руда. Рядом с медью валялись куски другой породы, поблескивавшие серебром.

Медленно приподнял Красноперов ствол, прицеливаясь в ближнего человека, в его яркую клетчатую рубаху. Голова старика тряслась, и он долго не мог поймать мушку в прорезь. Она двоилась, снова сходилась в один стерженек. Потом закрыл глаза от усталости и спустил курок.

Быстрела не последовало. Старик знал свое ружье, оно никогда не давало осечек. Просто кончились патроны. Последний выпущен — как же он забыл! — вчера, когда громко хрустнула ветка на вершине сопки. Нечем стрелять в них.

Старик встал на четвереньки, потом тяжело поднялся на ноги и заковылял на свою поляну.

Дома он, удивляясь своему спокойствию и четкому ходу мысли, собрал весь накопленный за долгие годы скарб — беличьи шкурки, медвежью полость собственной выделки, обточенные для домашних хозяйственных нужд оленье рога, ружья, свалил все посреди избы. Потом достал из-под лежанки тот найденный обрывок газеты и заветную, давно вычерченную карту Кривой мари с пометками месторождений, смял и сунул под шкуры. Разыскал кремни.

Он начал высекать огонь. Каждое движение вызывало тупую боль в теле и усталость. Едва бумага вспыхнула и дым пополз по темным доскам пола, старик с удовлетворением откинулся к стене. Наконец он может отдохнуть.

Лесной пожар заставил геологов спешно сняться с привала. Когда они подоспели к поляне, на месте избышки Красноперова оранжево дотлевали последние сваи.

Полгода спустя на горелую поляну пришел одинокий уже Афоня Бельды. Он и поставил на пепелище березовый крест...

Четвертый, годуновский, дом растет. Весной, когда зацвели вдоль быстрой Силинки дикие лилии — саранки, бригада приступила к кладке последнего этажа, пятого. Улицу у самого соснового леса решили назвать Комсомольской.

Месяц назад Николая Годунова избрали членом горкома комсомола.

Изменился бывший бухгалтер автомобильного завода, теперь в Минске друзья не узнали бы в этом парне застенчивого, сутуловатого Коленьку с фальшивыми очками на носу. Иногда бывает так — возмужание приходит к человеку стремительно и неожиданно. Меньше года прошло с тех пор, как приехал Годунов в Солнечный, думал — взрослым, сложившимся человеком приехал. Оказалось, самые главные человеческие качества — волю, выдержку, кругозор — пришлось «наживать» здесь. Здесь, в глубине тайги, а не в миллион-

ном городе, где, казалось бы, есть все подходящие условия...

На заседании горкома комсомола Николай и познакомился с Владимиром Михайловичем Крысиным, человеком, толкнувшим его на ссору с начальником строительства.

А до ссоры случилась такая история. Пришли на будущую улицу Комсомольскую вызванные из города вальщики леса — несколько парней в касках и ватниках, вооруженных мотопилами «Дружба». С высоты строящегося пятого этажа Николай увидел, как один из парней присел позле вековой сосны и включил пилу. Полотно «Дружбы» плавно вошло в ствол, брызнули в стороны белые опилки.

— Ты что, сдурел?! — закричал сверху Годунов. — Ребята, смотрите, что он творит!

Бригада бегом, прыгая через три-четыре ступеньки, спустилась вниз.

— Кто такие? — спросил вальщиков Саяпин. — Зачем деревья губите?

— Накостылять им по шее, — сгоряча предложил Русак.

— Тише, ребята, — остановил друзей Годунов. — Сейчас разберемся. По какому праву сосну валить собрались?

— Вот чудачки, — засмеялся один из вальщиков, — что вы распетушились? Самовольно мы, что ли? Глядите, вот предписание, вот наряд, — и он вытащил из внутреннего кармана ватника документы.

Предписание и наряд были в порядке. Прочел их Годунов вслух, и ребята пуще прежнего разволновались. Из документов следовало, что сегодняшняя норма бригады вальщиков — гектар леса. Вот этого самого леса на гребне холма, к которому в Солнечном все привыкли.

— Зачем это делают? — спросил Николай у Саяпина. — Что за решение такое?

— Нужно идти к Соболеву, там разберемся. — И, обратившись к вальщикам, добавил: — А деревья покуда не трогайте. Не разрешаю.

— А кто вы такой?

— Мастер этого участка. Не бойтесь, всю ответственность беру на себя.

— Ну, глядите, наше дело сторона. Можем и перекурить пока. Только выясняйте побыстрее. Нам работать нужно.

Соболев развернул перед Саяпиным и Годуновым план-карту будущего города-спутника. Из плана на самом деле выходило, что по гребню холма, на месте векового леса, пройдет еще одна улица.

— Нельзя этого, Михаил Илларионович, — твердо сказал Годунов. — Мы строить сюда приехали. Не губить. Никто из ребят не позволит трогать лес...

— А вот это не вас касается. Над проектом города ученые люди думали, эта карта — не филькина грамота, а документ. Видишь, подписи в уголке? А знаешь — кому они принадлежат? Главному архитектору — раз, начальнику треста — два... Ты что, мудрее всех столичных специалистов?

— Не знаю того человека, который решил сосновую рощу убрать, но думаю — плохой он специалист. Или близко к нашей сопке не подходил, в кабинете проектировал.

— Вот что, Годунов. Ко мне больше по таким вопросам не заходи. Понимать надо — город строим на века. На сопке, согласно плану, Дом культуры будет и жилой массив.

— Нельзя ли массив этот перенести левее, в низину?

— Ну ты хорош! — засмеялся Соболев. — Перенести? Как чемодан или ящик, да? Кто нам позволит самовольно менять план, кто новые расчеты и планировку будет делать? А грунты — ты знаешь, какие в низине грунты? И я не знаю. Не все так просто, как вам в бригаде кажется. Менять проект — дорогое дело, никто на это не пойдет. Разговор окончен.

— Жаль, Михаил Илларионович.

Грустно возвращались на свою площадку.

— Ну, что? — спросили вальщики. — Удостоверились? Можно приступить к своим, так сказать, обязанностям?

Саяпин вытащил пачку «Беломора».

— Курите, — протянул он гостям. — Дело вот какое, ребята. Надо бы погодить. Задание у вас законное, не придерешься. Только жалко этих сосен.

— Понятно,— согласились вальщики.— Но что мы можем сделать?

На следующий день на заседании горкома комсомола Годунов и познакомился с Крысиным. По совету Саяпина.

Владимир Михайлович Крысин был секретарем райкома партии еще одного города-спутника Комсомольска — Амурска.

Здесь, на берегу Амура, мечтал Владимир Михайлович создать новый город-спутник по особому образцу — современной, оригинальной архитектуры, органично вписанный в окружающий пейзаж. Сохранить тайгу и крутой утес над рекой, сделать город таким, чтобы каждый новый человек, попавший сюда, не захотел уезжать.

Крысин не был архитектором, не был художником, но понимал — молодежный город, город завтрашнего дня должен быть особым. Не губителем живой природы, не ее врагом, а добрым соседом и составной частью, что ли. Мысленно он видел такой город в деталях — вековые кедровые у белых домов, проспекты, нисходящие лестницами к великой реке, оазисы нетронутой тайги у жилых корпусов и заводов, гнездовья птиц в парке.

Кое-кто из товарищей по работе считал Владимира фантазером. Но когда избрали его комсомольским вожаком стройки, Крысин начал на деле осуществлять свою идею. Привлек группу молодых архитекторов и проектировщиков, которые на общественных началах, работая по ночам, делали чертежи «своего» города.

Все, кто побывал в Амурске сегодня, восторженно рассказывают о его монументальном Дворце культуры, венчающем зеленую сопку, о живой, естественной, не посаженной роще, о широких проспектах, набережной, зеленом острове на Амуре, который хотели в свое время превратить в перевалочную пристань, об украшенных затейливой резьбой по дереву — работа самодеятельного скульптора Реутова — спортивном комплексе, кинотеатре. Все в Амурске — для молодежи, для главных хозяев города-спутника. Лыжные базы, водно-моторная станция, библиотека, дискотека. Создан молодежный город, не похожий ни на один другой. Даже на прекрасный Комсомольск.

Но в ту пору, к которой относится наш рассказ, этот город только создавался. И о нем рассказывал Владимир Михайлович Крысин на заседании горкома ВЛКСМ, делился своими планами. Правильно посоветовал Саяпин: «Найди Крысина, он поможет».

Видимо, поняли Крысина и Годунова, поддержали, потому что неделю спустя приехала из краевого центра комиссия. Комиссия признала целесообразным изменить часть проекта, расположить новую улицу в обход сопки.

А возле четвертого дома на Комсомольской тем временем настелили тротуары, из новых квартир ушли последние отделочники, и на строительную площадку бригады, возглавляемой временно мастером Саяпиным, прибыла приемочная комиссия.

Дом стоял возле соснового леса торжественный, с вымытыми окнами, горели тусклые в утреннем свете фонари у подъездов. Михаил Илларионович Соболев и другие члены комиссии обошли все этажи, придирчиво все осмотрели, опустили в подвальные помещения, котельную. Бригада грустила в сторонке, на бревне.

— Чего пригорюнились? — крикнул ребятам начальник строительного управления, выбираясь из подвала и отряхивая извесь с пальто. — Совсем даже неплохо для первого раза. Думаю, примем с оценкой «хорошо». Сейчас поедем акт составлять. Бригадира прошу со мной в управление.

— Нет у нас бригадира, — напомнил Соболеву Саяпин.

Начальник посмотрел на мастера, раздумывая. Шофер дымившего наготове «газика» высунулся из кабины, недоумевая, почему задержка.

— Без подписи бригадира нельзя, — сказал Соболев, забираясь в кабину, — без подписи бригадира акт недействителен... Годунов, поехали, что ли?

— Я? — переспросил Николай, приподымаясь с бревна.

Ровин и Вихров подтолкнули его.

— Давай, давай...

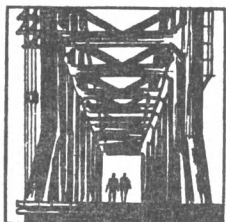
С вершины холма ребята видели, как «газик» с Годуновым, Саяпиным и членами приемочной комиссии осторожно пробирался по раскисшей временной дороге

к асфальту, как он стремительно понесся по шоссе вниз, к поселку.

Было утро. Над долиной поднималось солнце, растапливая туман. Ожила тайга, далеко разнесся по ней нестройный шум тягачей, кранов, бульдозеров, гул автомашин — голос большой стройки, голос труда тысяч людей, настоящих хозяев халдоми — сказочно богатой долины на восточной оконечности будущей Байкало-Амурской магистрали.

ВОРОТА БАМА

1975, 1980, 1982...

На восточной оконечности будущей Байкало-Амурской магистрали стоит это рукотворное чудо — самый крупный и самый главный из трех тысяч мостов БАМа. Мост через Амур у Комсомольска. Дата рождения — 25 сентября 1975 года.

Опоры моста-гиганта шагнули по богатырской реке на несколько километров, с пологого левого берега на скальный правый. Идут по мосту тяжело груженные поезда на восток, к портам Ванино и Советская Гавань. Амурский мост — ворота БАМа к Тихому океану.

Много замечательных людей трудилось в городе Юности в семидесятые годы, тысячи славных судеб и биографий рождаются здесь сегодня, но мне хочется в конце книги рассказать именно про мост — овегцествленный труд героических строителей Комсомольска. Ибо у него есть все, что необходимо герою рассказа, — характер, биография, запечатлевшая время, будущее.

Каждый, кто хоть однажды побывал на Амуре, никогда не сможет забыть его. Неоглядная ширина, даже далеко от устья, в районе Хабаровска, превышающая два километра. Темная стремительная вода, трехметровые волны, увенчанные белой пеной. Немеренные глубины, над которыми кипят буруны. Двухметровый лед зимой, густая шуга осенью. И весенний ледоход, выламывающий с корнями прибрежные деревья, сметающий валуны, рушащий утесы.

Такова эта река — «Миссисипи Дальнего Востока», по выражению знаменитого географа П. Кропоткина, одна из десяти крупнейших рек мира, самая большая

река Родины, на четыре с лишним тысячи километров протянувшаяся из Забайкалья, из сердца материка, до Тихого океана. История заселения и освоения этих мест русским человеком — история обживания Амура. Вдоль могучей, богатой рыбой реки, вдоль бесчисленных ее притоков, рукавов и малых рек селились «черные люди» — переселенцы прошлых веков, землепроходцы и хожалые казаки. Как дерево — листьями, обрастала река крепостями и острогами-городками, рыбацкими селениями, городами. Становилась кормилицей и другом.

Но другом своенравным и строгим. Когда в конце прошлого столетия началось строительство Транссибирской железной дороги, самое большое испытание ожидало армию строителей — ссыльных и каторжных, артели крестьян и рабочих — именно на Амуре, при сооружении моста в районе Хабаровска.

Мост строился вплоть до 1916 года. Сказав — армия строителей, я не оговорился. Тридцать девять тысяч человек строили мост! И как строили!

Вот свидетельство знаменитого норвежского путешественника Фритьофа Нансена, побывавшего на берегу Амура ниже Хабаровска вместе со своим другом, известным русским писателем и исследователем Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым, создателем «Дерсу Узала»:

«Мы намеревались осмотреть строящийся мост через Амур, пониже Хабаровска. Мост этот, насколько мне известно, явится вторым по длине мостом в мире, уступая лишь мосту близ Эдинбурга... Работы на этой болотистой, топкой почве представляют большие трудности: все устои должны закладываться уже на скалистом основном грунте, а добраться до него нелегко. Он залегает на большой глубине. Вести работы приходится и летом и зимой, чтобы не затянуть сооружения... Врач сообщил мне, что было много случаев цинги».

Врач не сообщил Нансену, осмотревшему строительство по разрешению хабаровского градоначальника, что сотни безвестных людей лишались здоровья и гибли на стройке, особенно из-за страшной кессонной болезни, с которой тогда не умели бороться, а сооружение опор, укрепление их в грунте под водой осуществлялось именно с помощью кессонов — подводных камер с повышен-

ным давлением. Эти кессоны мало чем отличались от аналогичных приспособлений для подводных работ, применявшихся в Древней Греции.

Сооружение собственно моста началось в 1913 году, как раз в это время здесь и побывал Нансен. Планировалось завершить его за два года. Но началась первая мировая война. Фермы для моста, изготовлявшиеся в Польше, стали поступать с перерывами. Осенью 1914 года в Индийском океане был торпедирован пароход, везший две последние фермы для моста. Это задержало работы на два года. В 1916 году, за год до Великой Октябрьской революции, пошли первые поезда по первому Амурскому мосту...

И вот — второй мост, но значительно севернее, гораздо ниже по течению, там, где Амур шире и своенравнее. И сооружать этот мост выпало, по справедливости судьбы, городу, ставшему символом мужества, — Комсомольску-на-Амуре.

«В горком комсомола, секретарю.

Мне двадцать три года. Отслужил армию. Приобрел специальность строителя. Готов идти на любую работу, связанную с сооружением моста. Владимир Крупкин».

«Уважаемые товарищи! К вам обращается Иван Иванович Шадрин из города Горно-Алтайска. Давно хотел с семьей переехать на Дальний Восток жить и работать. Нас четверо. Я шофер второго класса, жена — фельдшер... Наверное, не имеет смысла объяснять, почему хочется приехать в Комсомольск!»

«Я знаю, что вы отбираете самых лучших. Так и должно быть. В ваш город не дано ехать всякому. Мне пока нечем похвастать, но очень хочется сделать что-то стоящее.

Лена Вахраева».

Возглавил строительство моста опытный мостовик, «перешагнувший» на своем веку немало больших рек, — Николай Дмитриевич Сентюрин. Сотни людей, специалистов мостостроения, ехали под его начало из разных концов страны, но костяк мостоотряда сформировался здесь, из комсомольчан.

С лопаты и кирки, тачки и лома начинался Комсомольск. Иное дело — строительная площадка на берегу Амура в семидесятые годы. Громадные козловые краны над котлованами, строительные машины, гигантская дамба, перегородившая пойму Амура, многометровые опоры с широкими ригелями, плывущие на подвеске крана в точно определенное место, и сам кран, смонтированный на судне, тоже движется по воде. Мощные земснаряды намывают дамбу, добывая грунт со дна реки. Покачиваются на волнах понтоны. На одном из них — подготовленный металлический каркас для погружения, куб величиной с трехэтажный дом...

Людей как будто мало. Висят кое-где на первой ферме моста монтажники на страховочных поясах — парни в оранжевых касках, с пневматическими гайковертами в руках. Высунулся из кабины гусеничного крана водитель. Склонился над пультом инженер-наладчик вибропогружателя — специальной машины, сконструированной и построенной нашими специалистами для вколачивания в дно реки свай-оболочек.

Людей действительно мало, если сравнить со временем строительства первого Амурского моста. Тогда мост сооружали тридцать девять тысяч человек. Нынче под командой Сентюринна — всего около тысячи. Монтажники, операторы виброукладчиков, водолазы, гранитчики, крановщики.

Николай Дмитриевич Сентюрин никогда не встречал такой «сложной» реки. Наведению моста мешало буквально все — климат Приамурья с его ураганными ветрами, глубина Амура, скальное ложе дна с многими метрами илистых наслоений, весенний ледоход, сметающий все на своем пути, не менее коварная осенняя шуга, бурные паводки, затопляющие побережье от горизонта до горизонта, штормы, сравнимые с морскими...

Но сроки на строительство были отпущены сжатые.

Как строить в таких условиях? С помощью усовершенствованных кессонов? Это надежно, но медленно. К тому времени был разработан один способ, инициатором освоения которого был и Николай Дмитриевич Сентюрин, — с помощью свай-оболочек. Что это такое?

Представьте себе громадную железобетонную трубу, которую забивают глубоко в донный грунт и затем сверху заливают жидким бетоном. Бетон прикипает к самому основанию сваи-оболочки, сцепляется с донными породами и застывает. Свая надежно стоит на своем месте, способна выдержать тяжесть моста.

Свайный метод, позволяющий обходиться без кессонных работ, исключительно экономичен, но он прошел проверку на небольших реках со слабым течением и мягким грунтом. Для Амура специальная комиссия избрала все-таки старый способ. Дорогой, тяжелый — однако надежный.

Сентюрин возражал, доказывал, что эксперимент оправдывает себя. Ему резонно отвечали — при выполнении особо важного государственного задания вряд ли целесообразно рисковать и экспериментировать. Начальник мостоотряда понимал: если он делом докажет возможность свайного метода для Амура, это будет настоящий переворот в мостостроении. Отказаться от кессонов — значит, намного облегчить и удешевить сооружение мостов в Сибири и на Дальнем Востоке. Ведь только на трассе Байкало-Амурской магистрали их надо построить три тысячи.

Сентюрин настоял на том, чтобы параллельно со строительством моста организовать на берегу, рядом с объектом, экспериментальный участок для доводки свайного метода.

Весь рабочий день Сентюрин руководил подготовительными работами на строительной площадке. А в свободные часы — вечером и часто ночью — работал как рядовой инженер на экспериментальном участке.

Главной сложностью было бурение скважин под сваи. Бурение подводное. Для этого не существовало оборудования ни у нас, ни за рубежом. Приходилось применять обычные бурильные станки ударного действия. 40—50 сантиметров в смену. До смешного мало. Увеличили вес долота — оно обрывалось при работе под водой. Оказалась малоэффективной и установка роторного бурения.

Начальник мостоотряда завязал связи со всеми научно-исследовательскими институтами, разрабатывающими бурильную технику. Оказалось, небольшая

группа инженеров, работавших в угольной промышленности, сконструировала приспособление, напоминающее механизм нефтяного бурения, но предназначенное для других отраслей промышленности.

Он полетел на встречу с изобретателями. И вернулся оттуда не только с чертежами вибропогружателя, но и с некоторыми готовыми его деталями.

На испытательном полигоне установка для бурения оперативно была собрана. Принцип действия вибропогружателя заключается в том, что он быстро создает колоссальные силы давления на полые сваи, которые под действием этих сил буквально вонзаются в породу.

Первую опору — трехметрового диаметра, загнали в скальный грунт на глубину восемь метров и залили бетоном. Затем пробурили скважину и установили: подводный бетон оказался даже прочнее, чем «наземный», место спайки, стыковки бетона и гранита монолитно. Это была первая опора, смонтированная на Амуре без погружения людей под воду...

Посмотреть на нее, на месте проверить эффект приехало много специалистов и ученых. Мнение было единодушное — свайный метод пригоден для могучего Амура. Одобрил переход на этот метод и Госстрой СССР.

Первую сваю-оболочку монтировали месяц. Последнее — за одну смену. Если сравнить эти сроки с теми, которые были отпущены на сооружение обычных опор, то здесь не подходит слово «рекорд». Именно переворот в мостостроении — самые точные слова.

Однако и новый метод не избавлял полностью от подводных работ. Водолазы ежедневно несли свою вахту на дне, ощупывая каждый сантиметр дна в том месте, где предстояло забить опору. А затем, когда она уже сидела в грунте, закручивали и откручивали болты крепления и стыковки, выполняли подводную резку металла.

Нелегко приходилось водолазам в стремительной и непроницаемой амурской воде. Однажды водолаз Володя Крупкин, тот самый, что прислал одно из первых писем в горком комсомола с просьбой направить его на сооружение моста, работал во время шторма. Усиленное ветром течение неожиданно вырвало из направляющего каркаса две сваи-оболочки, и они упали на дно, переого-

родив подготовленный котлован. Володя поднялся на поверхность, доложил об аварии. Прибывшая комиссия определила, что для ее ликвидации потребуется не меньше двух-трех недель. И то при условии, если штормовая погода уляжется.

Десять часов без перерыва пробыли Володя Крупкин и другие водолазы под водой. Им удалось застропить сваи, но они вновь сорвались. На следующий день бригада водолазов опять опустилась в бушующую амурскую воду. И так — восемь дней подряд. За восемь дней сваи были подняты со дна и укреплены в положенном месте.

Да, строили Амурский мост без кирки и лопаты. Но значит ли это — легко строили?

Однажды во время весеннего ледохода создалась опасность разрушения плавучего каркаса пятой опоры. Ледяные поля двух- и трехметровой толщины, обломки льда во всю силу могучего течения реки двинулись на мост. Грохот и гул разнеслись по Комсомольску, по всей приамурской тайге. Чтобы ослабить напор льда, ослабить его натиск, стали взрывать льдины выше по течению. Несколько дней гремели взрывы. За одной льдиной не успели. Всей своей массой надвинулась она на подъемный кран и смяла его, как спичечный коробок. Но опора была спасена.

Амурский мост строила вся страна. Не только те парни и девушки, которые приехали сюда, чтобы, подобно Лене Вахраевой, «сделать что-то стоящее».

Воронежский завод мостовых конструкций, например, изготовил одиннадцать тысяч тонн деталей для моста. Только два первых пролета мостоконструкций были собраны на заводе, остальные посланы в разобранном виде. Большинство элементов имело множество монтажных отверстий и мест соединения. При сборке на месте строители не обнаружили ни одного отклонения даже на сантиметр. Все элементы точно стали на свои места.

Лена Вахраева работала на многих участках возведения моста. Она осуществила свою мечту — участвовала в постройке одного из лучших и совершенных мостов в мире, тринадцать железобетонных опор которого перешагнули Амур.

СТРОИТЕЛЯМ, МОНТАЖНИКАМ, ПРОЕКТИРОВЩИКАМ,
ЭКСПЛУАТАЦИОННИКАМ, ПАРТИЙНОЙ, ПРОФСОЮЗНОЙ
И КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ВСЕМ УЧАСТНИКАМ
СТРОИТЕЛЬСТВА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО МОСТОВОГО ПЕРЕ-
ХОДА ЧЕРЕЗ РЕКУ АМУР У ГОРОДА КОМСОМОЛЬСКА-
НА-АМУРЕ.

Дорогие товарищи!

Горячо поздравляю вас с досрочным завершением строительства мостового перехода через реку Амур — одного из уникальных транспортных сооружений в нашей стране, важного составного звена Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

Открытие движения по новому мосту имеет важное народнохозяйственное значение, обеспечивает еще один транспортный выход на побережье Тихого океана.

26 сентября 1975 года

Леонид Ильич Брежнев

Амур и гранит.

Каменная глыба на берегу с начертанными на ней словами о высадке первого десанта добровольцев — не просто монумент, дань благодарной памяти. У глыбы гранита и великой реки, кажется мне, есть своя, особая связь.

В их соседстве — глубокий смысл: только крепким и стойким, как гранит, людям по силам покорить тайгу, только граниту подчиняется мощь Амура.

Здесь нет иносказания. Когда развернулось строительство моста и запенились буруны у первых опор, в Комсомольск был вызван гранитных дел мастер Петр Федорович Огородник, большой специалист своего дела. Оказалось — даже железобетон не может выдержать напора амурского льда и шквала песчинок, которые несет речная волна. Нужен гранит. Сейчас все тринадцать опор моста облицованы толстым гранитом.

Радостным было прощание коллектива мостоотряда, возглавляемого Сентюриным, со своим мостом. Радостным потому, что создано уникальное, неповторимое сооружение, создано на века.

Мост, воплощенный в камне и металле, — символ участия города Юности в сооружении Байкало-Амурской магистрали. Растет город, растут ввысь и вширь кварталы жилых домов. На запад от Комсомольска все дальше в сторону Байкала уходят рельсы БАМа — накануне XXVI съезда нашей партии завершена укладка участка протяженностью 670 километров.

Эти километры позвали в дорогу тысячи и тысячи комсомольчан — шахтеров, металлургов, рабочих деревообрабатывающей и лесной промышленности. Ведь основное назначение восточного участка БАМа — создать условия для разработки таежных богатств, развития угольной индустрии, освоения новых месторождений, подобных Солнечному. Рядом с Комсомольском, на Ургальском плече БАМа, создаются новые леспромхозы.

Сегодняшний день города Юности — это и сооружение на заводе «Амурсталь» нового цеха гнутых профилей, который намечено ввести в строй в годы нынешней, 11-й пятилетки. Цех этот, по масштабам превосходящий иной завод, будет давать в год 260 тысяч тонн металла. На очереди — строительство отделения электросварных труб «Амурстали».

Не только радостным, но и грустным было расставание строителей со своим мостом, грустным, как разлука с близким человеком.

Отсюда, из Комсомольска, молодые мостостроители направились на другие реки по новым адресам Байкало-Амурской магистрали; уехали в твердой уверенности в своих силах, обогащенные опытом, закаленные Амуром. Володе Крупкину выпала дорога на Олёкму.

Есть севернее города Тынды, возле хребта Удокан, такая речка. «Олёкма» в переводе с эвенкийского — «светлая вода». Здесь, рядом с селом Усть-Нюкжа, предстояло построить мост через Олёкму.

Прекрасны места вокруг Удокана. В заповедных лесах водится кабарга и самый маленький на земле олень, занесенный в Красную книгу, белка и соболь, в светлой реке плещутся таймени и хариусы. А на самом берегу Олёкмы, там, где пройдет магистраль, высится Шаман-камень, огромная глыба гранита.

Пришли сюда мостостроители — и поразились. Вся

поверхность древнего камня испещрена рисунками. Вызвали в Усть-Нюкжу ученых.

Ученые тщательно изучили пиктограммы — наскальные рисунки древних обитателей этих мест. И определили, что рисункам не менее пяти тысячелетий.

Вот что изображено на Шаман-камне.

Пасется, опустив рога, лось. По реке скользит длинная лодка, в которой плывут люди. А надо всем этим нарисовал древний художник лучистое солнце.

Оберегая единственное на центральном участке БАМа место с наскальными изображениями, проектировщики перенесли мост на триста метров в сторону. Государство взяло под охрану Шаман-камень, чтобы навсегда сохранить для потомков весть из далекого прошлого, рисованное письмо к нам, людям сегодняшнего дня.

Созидая города и дороги, осваивая таежные пространства Дальнего Востока, мы никогда не забываем, не должны забывать о том, чтобы заботливо и любовно сохранить замечательную природу края, его животных и птиц, не замутить его светлые реки, голубизну его неба.

Пусть всегда, как на гранитном письме, пасется в наших лесах доверчивый лось, пусть плывет человек по хрустальной реке и озаряет его лучистое солнце.

О г л а в л е н и е

ЗАЛОМ. 1932	5
ОГОНЬ НА СНЕГУ. 1934	25
ГОРЯЧИЙ МЕТАЛЛ. 1942	43
СУМКА СОКРОВИЩ. 1967	62
ВОРОТА БАМа. 1975, 1980, 1982...	85

Для среднего и старшего возраста

Юрий Александрович Шевченко

ГОРОД ЮНОСТИ

ИБ № 5846

Ответственный редактор И. Ф. Скороходова.
Художественный редактор Г. Ф. Ордынский.
Технический редактор Л. Н. Никитина. Коррек-
торы Ж. Ю. Румянцева и Э. Н. Сизова. Сдано
в набор 12.03.82. Подписано к печати 23.08.82.
Формат 84×108¹/₃₂. А 03768. Бум. типогр. № 1.
Шрифт школьный. Печать высокая. Усл.
печ. л. 5,88. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л.
4,82+8 вкл.=5,54. Тираж 100 000 экз. Заказ
№ 639. Цена 40 коп. Ордена Трудового Красного
Знамени издательство «Детская литература» Го-
сударственного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. Моск-
ва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудо-
вого Красного Знамени фабрика «Детская
книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государст-
венного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. Москва, Су-
щевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Шевченко Ю. А.

**Ш37 Город Юности.— М.: Дет. лит., 1982.— 94 с.,
фотоил.**

В пер.: 40 коп.

**Очерк о строителях Комсомольска-на-Амуре, о современном городе, его
людях. Издается в связи с 50-летием города.**

**Ш 4802010000—447 332—82
М101(03)82**

**ББК 63.3(2)
9(с)2**

40 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Детская литература»